

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

ТАТЬЯНА БОГАТОВА

Тайна Табачной Зачемки

ЖИЗНЬ НЕ ДАЕТ
НАМ ГАРАНТИЙ, ОНА ДАЕТ НАМ
ВОЗМОЖНОСТЬ...

Женские судьбы (Четыре Четверти)

Татьяна Богатова
Тайна Табачной заимки

«Четыре четверти»

2024

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

Богатова Т.

Тайна Табачной заимки / Т. Богатова — «Четыре четверти»,
2024 — (Женские судьбы (Четыре Четверти))

ISBN 978-985-581-663-9

Героине книги Александрине предстоит сделать непростой выбор: принять предложение Владимира, который решился позвать её замуж спустя десять лет после знакомства, или ответить на пылкий порыв Виталия, завладевшего её вниманием. Не так давно в селе Сосновка совершено преступление. В его загадочную историю вовлечены не только главные герои, но и местные жители. Расследование приводит на Табачную заимку... Остросюжетный любовный роман читаем на одном дыхании.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-663-9

© Богатова Т., 2024
© Четыре четверти, 2024

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	41
Глава 11	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Татьяна Богатова
Тайна Табачной заимки
роман

© Богатова Т., 2024

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2024

* * *

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

Татьяна БОГАТОВА

Тайна Табачной заимки

Роман

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2024

Глава 1

«Хороший признак, – заключила Александрина Логвинова, с наслаждением вдыхая, ненавязчиво, но упорно заполняющий пространство автомобиля тонкий аромат воздушного коктейля – колдовской смеси весеннего тепла и едва уловимой свежести еще не пролившегося дождя. – Не так уж часто нам с Лорой выпадают совместные выходные, – подумала тридцатипятилетняя женщина, довольно встряхнув слегка вздыбленной ветром волнистой шевелюрой цвета тёмной луковой шелухи. – Не пропустить бы поворот, – съехав с трассы, она внимательно глянула в смотровое окно своего красного “kia rio”. – Вечно забываю, третий или четвёртый, – снизив скорость, Александрина осторожно передвигалась по узкой асфальтированной дороге вдоль пригородного посёлка, где жила семья её подруги. – Ага, всё-таки третий, – обрадовалась молодая женщина, вспомнив ориентир – забор из рифлёного железа цвета морской волны. – Интересно, как быть, если хозяева решат перекрасить или поменять забор? – усмехнулась она. – Придётся попросить мужа Лоры посадить перед поворотом какое-нибудь оригинальное дерево».

Несколько минут спустя автомобиль Александрины остановился рядом с оградой из железа, которую предпочитали хозяева большинства домов посёлка. Четырёхкомнатный одноэтажный дом из охристого кирпича, облицованный понизу каменной плиткой приятного глазу нежно-жёлтого цвета; крытый тёмно-коричневой черепицей; жизнерадостно встретил Логвинову блеском свежeweымытых окон.

– Санчик, привет, – просияла, появляясь на крыльце, высокая худошавая женщина, в бледно-сиреновом спортивном костюме, с аккуратно сколотыми на затылке русыми волосами, открывающими высокий лоб вытянутого лица с утончёнными чертами.

– Привет, Лора, – заискрила белозубой улыбкой Александрина, выбираясь из машины. – Не устаю поражаться, насколько отличается воздух в посёлке от нашего центра металлургии. Всего-то десять километров, а как будто в заповедных местах оказался, – в очередной раз подивилась она, доставая пакеты с гостинцами.

– Это Миша, – с удовольствием в который раз заметила хозяйка. – Когда мы собирались строить дом, он изучил розу ветров десятка пригородных посёлков. Остановился на Красавке. И, как оказалось, не ошибся, – сказала она, забирая один из пакетов. – Воздух действительно необыкновенный, – заключила Лариса, обнимая подругу и направляясь с нею в дом.

– Есть ли на свете вещи, в которых Миша не разбирается? – спросила Александрина, обнимая Лору в ответ. – Пожалуй, нет, – весело ответила она сама себе.

Подруги были одного роста и стати: стройные, длинноногие. Александрина отличалась более волнительными формами: тонкой талией и высокими бёдрами. Бледно-голубые узкие джинсы; приталенная, светло-лимонная рубашка, длиной чуть ниже талии, с подвёрнутыми рукавами; синие кеды на белой подошве – удобная для поездки в автомобиле, и в то же время нарядная одежда свидетельствовала о вкусе её обладательницы. Подтянутая фигура производила стойкое впечатление, что женщина не пренебрегает фитнесом. Однако это не соответствовало действительности. Тренажёрный зал Александрина не посещала, плаванием занималась от случая к случаю, во время отдыха на море. Обладая от природы стройной фигурой, молодая женщина – врач-невролог поликлиники при областной больнице – предпочитала активный досуг. Если выдавался, как сегодня, совместный выходной с подругой – гинекологом Городской больницы скорой медицинской помощи, Александрина предпочитала проводить его у друзей в Красавке. Обработывала вместе с Ларисой небольшой участок возле дома или совершала прогулки в роще рядом с посёлком, в зависимости от времени года, лыжные или пешие. Дружба между девочками из соседних квартир, зародившись в раннем детстве, продолжилась

в школе, после окончания которой обе поступили в медицинский институт. С годами отношения только окрепли, перейдя в разряд сестринских.

– Первая половина выходного, как вижу, прошла плодотворно, – кивнула Логвинова в сторону сияющих окон.

– А как же, – подтвердила Лариса. – Пока муж в командировке, – весело рассмеялась она, – надо пользоваться моментом.

– Вот-вот, – Александрина поддержала подругу звонким смехом, – долой стереотипы! Да здравствуют неординарные способы времяпрепровождения!

– Кстати, – подмигнула подруге Лариса, – в заботах о чистоте я не забыла про твоё любимое лакомство. Торт с малиной уже готов.

– Ты моя искусительница, – Александрина благодарно чмокнула её в щёку.

– Но ты, я смотрю, тоже не отстаёшь. Как обычно навезла кучу гостинцев.

– Так, по мелочи. Вино, немного овощей и фруктов.

– А чем это так завлекательно пахнет? – попыталась заглянуть в один из пакетов в руках подруги Лариса.

– Курица, натёртая чесноком. Запечём в фольге или пакете.

– Ум-м-м, пойдём скорее ставить, а то я стану первым в мире пациентом, захлебнувшимся в результате обильного слюноотделения.

– Поэтому и замариновала заранее, – рассмеялась Александрина.

– Была у Виталия?

– Ага, ты же знаешь, он сроду не отпустит без гостинца.

– Хороший парень, – украдкой пристально глянула на подругу Лариса.

– Угу, – безразлично покивала Александрина, заходя в дом.

* * *

– А теперь выкладывай, – потребовала Лариса, когда подруги, выпив по бокалу «Мукузани», уговорили по паре ломтиков ароматной птицы. – Есть повод сказать тост? – уточнила подруга.

– Давай сначала скажу, в чём дело. И тогда уже мы вместе решим по поводу тоста.

– Я – само внимание, – приподняла бокал Лариса, проворно вытерев руки влажной салфеткой.

– Володя сделал мне предложение, – тихо произнесла Александрина.

– Опля! Сбылась мечта десятилетней давности! Действительно, Санчик, за это стоит выпить.

– Я тоже так думаю, – весело согласилась Александрина. – За событие мечт! О-о-о, – восторженно закатила она глаза, осенённые пушистыми ресницами, – торт потрясающий!

Угощение представляло собой три коржа из безе, с прослойкой нежнейшего крема, с добавлением размороженных ягод малины.

– Спасибо, я старалась, – мягко проговорила подруга. – А теперь, насколько понимаю, мы с тобой должны определить, что с этим предложением делать?

– Ты как всегда права, – благодарно глянула на неё Александрина, – о, мудрейшая из мудрых.

– Тут не надо быть даже особо проницательной, – взмахнула тонкой кистью Лариса, – не то, что мудрой. Если бы ты была уверена, что делать с предложением, то мы пили бы за него первым же тостом.

– Всё так, – подтвердила Александрина, не переставая лакомиться кондитерским шедевром подруги.

– Кстати, – оживилась Лариса, – а кольцо при этом было преподнесено?

– Нет.

– Это плюс в его пользу, – обрадовалась хозяйка. – Володя не стал тебя обязывать.

– Возможно, у него и были благородные намерения. Но... кольцо всё же присутствовало. Я нашла его дома в одном из бутонів роз, которые Володя подарил в начале ужина.

– А я что говорю! Он просто прелесть – твой Володя! Если ты решишь ему отказать, то просто вернёшь кольцо. А, если согласишься, то придёшь на очередное свидание с кольцом на пальце. И что ты ответила Володе?

– Для начала выдала ему, что он застал меня врасплох. Сказала, будто давно привыкла к жизни порознь. Подчеркнула, насколько ценю ощущение праздника, в которое превращаются все наши свидания и совместные поездки.

– Так, может, – воодушевилась Лариса, – и хорошо, что Владимир не сразу позвал тебя замуж.

– Ой, не знаю, Лорик. Может, вышло бы гораздо лучше, если бы я сразу залетела и...

– Ну, продолжай. Залетела и... Санчик, где гарантия, что не случилось бы, как в прошлый раз?

– Никакой, – печально согласилась Александрина. – Лорик, ты ведь помнишь, как я безумно хотела за него замуж.

– Похоже, сейчас безумия как ни бывало?

– В точку!

– Санчик, так это же отлично!

– Почему?

– Это же прекрасная основа для счастливой семейной жизни. Ни ссор, ни ревности, ни тем более скандалов. Не хотелось бы обобщать. Просто, в моём представлении, всё это очень часто сопровождает браки, заключённые по безумной любви.

– Спокойная любовь?

– А почему нет?

– Всё бессмысленно, – неожиданно для подруги сникла Александрина, – все наши рассуждения.

– Так, – подалась к ней Лариса, – с этого места поподробнее. Если я правильно понимаю, гипотетические недостатки Володи, равно как и его преимущества, особой роли не играют. Дело в другом.

– Буквально, – кивнула в ответ на случайное предположение подруги Александрина.

Глава 2

Десять лет назад

Знакомство с Владимиром Пустоваловым состоялось десять лет назад, когда тот, по рекомендации хорошего знакомого, привёл отца в поликлинику при областной больнице на приём к неврологу с двухлетним стажем. Невзирая на очарованность сыном – синеглазым брюнетом тридцати лет, с короткой стильной стрижкой; рельефной фигурой подтянутого мужчины, среднего роста; явным завсегдатаем фитнес-центра – Александрина сосредоточилась на состоянии здоровья Пустовалова-старшего. Назначив правильное лечение, молодой врач избавила пациента от болей, вызванных межпозвоночной грыжей. Помимо этого, Александрина заподозрила у него остеопороз на ранней стадии, благодаря чему Пустовалов вовремя начал лечение у ревматолога, впоследствии оказавшееся эффективным.

Обоюдная симпатия, проявленная молодыми людьми с первой же встречи, не замедлила перерасти в чувство взаимной привязанности. Влечение, общие интересы, уважение друг к другу – все составляющие для того чтобы провести вместе всю жизнь, были налицо. Именно так казалось Александрине, искренне недоумевающей, почему откровенно влюблённый молодой мужчина медлит с предложением. Отец оказался в восторге от прелестного молодого врача, вдобавок, отличного специалиста. Ни у кого из возлюбленных не было за плечами ни предыдущего брака, ни детей. В материальных притязаниях Александрину, единолично владеющую двухкомнатной квартирой, доставшейся от бабушки с дедом, никто не подозревал. Безусловно, доходы Владимира – исполнительного директора пивного завода – намного превышали заработка врача. Однако вёл он себя на редкость тактично, будучи неистощимым в выборе совместных развлечений и неординарных подарков, ни разу не позволив возлюбленной почувствовать себя чем-либо обязанной.

Молодые люди вместе проводили отпуск. Первые две недели зачастую отдавались пассивному морскому отдыху, который необычайно нравился отработавшей напряжённый рабочий год Александрине, однозначно определившей, что расходы на эту часть отдыха будет нести самостоятельно. Владимир отнёсся к этому с пониманием, в свою очередь, предложив оплачивать и подбирать путешествия, следующие за поездкой на море. С увлечением объехав всю Европу, возлюбленные переместились через Атлантический океан, осваивая Северную и Южную Америку. Затем настал черёд Полинезии, Австралии и Новой Зеландии. После чего последовали Дальний и Ближний Восток. Единственное, от чего отказывалась Александрина, было африканское сафари. Молодая женщина запросто сопровождала любимого в поездках на квадроциклах по пескам пустыни, во время полёта на воздушном шаре, и вместе с ним управляла парусной яхтой. Всё это, хотя и не вызывало запредельного восторга Александрины, давалось ей легко. Разделяя экстремальные увлечения Владимира, она чаще всего увлекалась сама. Но охота, как развлечение, решительно ею отвергалась. Несмотря на исключительное умение в стрельбе по движущимся мишеням, Александрина утверждала, что окажется рядом с Владимиром при одном условии. В том случае, если возникнет необходимость добывать посредством охоты пропитание.

* * *

Наши дни

– Я не ослышалась, – уточнила подруга, – речь именно о другом или всё-таки о другой?
– Ло-о-орик, – протянула Александрина, – ну какой другой? Если даже таковая и есть, то мне об этом неизвестно. Сама посуди, за все десять лет наших отношений в отпуск мы

ездили вместе, причём надолго. Вдобавок засветились на множестве городских мероприятий. Владимир – известный человек в городе, – продолжала рассуждать Логвинова. – У возможных «доброжелателей» была масса возможностей, так сказать, открыть мне глаза. Но этого ни разу не произошло, понимаешь, Лорик, ни разу.

– Да уж, – хохотнула Лариса, – подобная репутация мужчины вызывает либо исключительное уважение, либо серьёзные подозрения.

– И, самое главное, корпоративы...

– Вот-вот, – оживилась подруга, – я как раз об этом хотела спросить. Как он тебя там представлял?

– Никак, – улыбнулась сомкнутыми губами Александрина. – Только по имени.

– Странно.

– Ничего странного. Деловых партнёров на праздниках не было. А что касается подчинённых, думаю, Владимир не считал нужным ничего объяснять. К тому же, представляя меня, он с таким значением произносил имя, что ни у кого не возникало сомнений...

– ...в том, что рано или поздно, ты станешь его женой, – весело завершила фразу Лариса. – Санчик, а ты ни разу не заводила речь о женитьбе?

– До беременности – ни разу. Сама понимаешь, боялась сделать первый шаг к расставанию. А потом, когда мне популярно объяснили отношение к браку и семье, спрашивать уже не было смысла.

– Скажи-ка, а сейчас ты не попыталась выяснить, изменилось ли отношение Володи к браку и семье?

– Знаешь, Лорик, – встряхнула шевелюрой Логвинова, – не возникло желания. Зачем? Чтобы лишний раз подтвердить свои ощущения. Уверена, что создавать семью нам придётся на его условиях. Убеждение Володи не менялось, я это чувствую.

– И ты решила ответить согласием?

– Ага, – весело кивнула Александрина, – поговорила с тобой, и стало ясно...

– Погоди-погоди, – нахмурилась Лариса, – мы же не выяснили про другого.

– Да нет никакого другого, – махнула тонкой ладонью Александрина. – Это уж я накрутила сама себя. А и надо-то всего лишь перестать ездить к Виталию.

– Так он и есть другой? – разочарованно переспросила подруга.

– Ну, это громко сказано, – смешалась Александрина. – Глупо сравнивать его с Володи. Просто мне пора перестать быть стервой...

– Санчик, – расхохоталась Лариса, – обожаю тебя! Но даже я не стала бы так бессовестно льстить тебе, называя стервой.

– А как это ещё называется? – невольно улыбнулась в ответ на заразительный смех подруги Логвинова. – Получила предложение от одного мужчины, а сама продолжаю время от времени спать с другим.

– Так расстанься. В чём проблема-то?

– Ни в чём, – жалко улыбнулась Александрина. – Поеду и объясню, чтобы больше не ждал.

– Разве нельзя позвонить? – удивилась Лариса.

– Не знаю, – повела плечом Александрина. – Непорядочно как-то. Хороший парень.

– Ну, да, хороший, – задумчиво проговорила подруга.

* * *

Семь лет назад

Отец Виталия Лесных тоже был пациентом невролога Логвиновой. Семь лет назад, изучая записи в амбулаторной карте больного, Александрина удивлённо подняла взгляд на парня,

терпеливо ожидающего на стуле для пациентов. Густые, слегка вьющиеся, чёрные волосы; тёмно-карие глаза, со спокойным вниманием взирающие на врача из-под широких бровей; ровный прямой нос; смуглое лицо, с едва заметным румянцем и необузданной щетиной, невзирая на тщательное бритьё, обрамляющей нижнюю часть лица и упрямую скобку ярких губ средней полноты.

– Хотите сказать, Николай Иванович, что вы с пятьдесят девятого года?

– Нет, – добродушно улыбнулся двадцатитрёхлетний парень, – это папа. А я с восемьдесят девятого. Меня Виталием зовут.

– Александрина Григорьевна, – представилась Логвинова. – Какие жалобы, Виталий Николаевич? И где ваша карта?

– У меня никаких. Это отец записан к вам на приём. Просто не смог прийти. Хуже себя почувствовал. Вот, – молодой человек выложил на стол стопку бумаг и снимков, – анализы, снимки. Всё, что доктор Никаноров назначал. Может, вы посмотрите? И вот ещё, гостинец... для вас, – наклонился Лесных, добывая из стоявшей на полу небольшой сумки-холодильника пакет с двумя тушками домашней птицы.

– Снимки обязательно посмотрю, – с трудом удержалась от смеха Александрина, до того вид парня с подношением показался ей забавным, – а гостинец это лишнее. Вам для отца пригодится.

– Пожалуйста, возьмите, – примирительно улыбнулся Виталий. – Это ведь специально для вас. «Коли доктор сыт, то и больному полегче». Помните?

– Помню, конечно, – всё-таки расхохоталась Логвинова. – Это врач из фильма про Калиостро.

Александрину приятно позабавила фраза из «Формулы любви» – фильма, очень часто цитируемого в семье подруги и её мужа, Ларисы и Михаила.

– Верно, – расцвёл молодой человек, обрадованный добродушной реакцией симпатичного врача. – Вы извините, пожалуйста, что я без отца на приём пришёл, – негромко проговорил он, наблюдая за выражением лица сосредоточенной Александрины, изучающей снимки. – Мы всегда заранее записываемся. Стараемся приехать в город дня за три, к папиной сестре. Папа с каждым годом всё хуже переносит дорогу. Доезжаем, и у него руки-ноги дрожат. Он даже стоять может с трудом, не то что передвигаться. Дня два проходит, прежде чем он немного восстанавливается. Но в этот раз у меня не получилось раньше приехать. На работе комиссия нагрянула. Пришлось остаться.

– А кем вы работаете? – не отрываясь от бумаг, спросила Логвинова.

– Лесничим.

– Вот как? – удивлённо взглянула Александрина. – А где? Там же, где прописан ваш отец?

– Да, – кивнул парень. – Село Сосновка. Восемнадцать километров от города.

– Восемнадцать, – задумчиво повторила Логвинова, откинувшись на спинку стула и поворачивая авторучку в тонких пальцах красивой формы. – Вы говорите, отец с трудом преодолевает это расстояние? На чём же вы едете? На рейсовом автобусе? На такси?

– Что вы! Папе едва хватает сил выйти из дома и забраться с моей помощью в машину. У нас «нива».

– Понятно, – едва заметно вздохнула Александрина. – Виталий Николаевич, давайте поступим следующим образом. Как только вашему отцу станет лучше, привозите ко мне. Можете? Или вам надо возвращаться на работу?

– Спасибо вам, – посерьёзней молодой человек. – Я всё решу.

– Вот и хорошо. На этой неделе у меня приём в среду и пятницу в первой половине дня. Вот мой номер телефона. Звоните, как только будете готовы. Привезёте отца к завершению приёма, к двум часам. Медсестры у меня сейчас нет. Второй невролог, что работает в другую

смену, в отпуске. Кабинет в моём полном распоряжении. Так что я смогу уделить вам столько времени, сколько потребуется.

– Нужно ли будет сдать ещё какие-то анализы?

– Пока нет. Прежде необходимо побеседовать с вашим отцом, осмотреть его. Не могу сказать ничего определённого, но кое-что вызывает сомнение.

– Что-то не так с лечением? – заволновался парень. – Мы строго исполняем все назначения.

– Сомнение вызывает диагноз, – уверенно изрекла Логвинова.

Беседа со старшим Лесных продолжалась три часа, с перерывами на десять-пятнадцать минут, на время которых парень укладывал отца на кушетку прямо в кабинете.

– Виталий, – обратилась к молодому человеку Александрина, когда они в очередной раз вышли в коридор, чтобы пациент мог отдохнуть, – извините, что беседа настолько затянулась. Если Николаю Ивановичу совсем не по себе, поезжайте. Но, кажется, ему будет гораздо труднее приехать на приём ещё раз. А мне крайне важно выявить ещё несколько аспектов.

– Это вы извините, – пылко произнёс парень, – что пришлось задержаться из-за нас. Конечно же, мы останемся. И, если нужно, приедем ещё.

– Скорее всего, – с сочувствием глянула на молодого человека Логвинова, – мы ограничимся сегодняшним днём. Сделаю назначение. Надеюсь, вашему отцу станет чуть легче.

– Судя по всему, – грустно сказал Виталий, уловив в голосе врача нотки обречённости, – до выздоровления далеко.

– Виталий, – решительно повернувшись к парню, встала перед ним лицом к лицу Александрина, – если подтвердится другой диагноз, на выздоровление надеяться не стоит. Увы, болезнь неизлечима. Единственное, чем можно помочь, немного облегчить состояние больного.

– Ну, в принципе, мы знали, что рассеянный склероз до конца не лечится...

– Речь не о нём, – твёрдо перебила молодого человека Логвинова. – Безусловно, болезнь может протекать по-разному. Но сейчас большинство пациентов с рассеянным склерозом полноценно живут десятилетиями, соблюдая график лечения и обследования. А у вашего отца, я почти в этом уверена, постэнцефалитный паркинсонизм.

– Стало быть, – отчаялся парень, – отца лечили неправильно.

– Видишь ли, – произнесла Александрина, от волнения незаметно для себя перейдя на «ты» в обращении с молодым человеком, – я могла бы оправдать врачебную ошибку предыдущего доктора, соблюдая профессиональную этику. Однако этика здесь ни при чём. В случае с Николаем Ивановичем поставить точный диагноз необычайно трудно. Требуется тщательное обследование, консилиумы специалистов.

– Мы всё это проходили, – воскликнул Виталий. – И обследование, и консилиумы. Хотите сказать, нам и теперь потребуется дополнительное обследование? Вы ведь тоже можете ошибаться!

– Была бы очень рада своей ошибке, – негромко, но отчётливо проговорила Александрина. – Однако симптомы, начало развития и течение болезни полностью совпадают с теми, что наблюдались у моего деда.

– погодите, – разгорячился парень, – как вы сказали? Постэнцефалитный? Если не ошибаюсь, это что-то связанное с клещами? Но папа никогда не болел энцефалитом!

– Увы, всё сходится на том, что всё-таки переболел. Николай Иванович припомнил два случая, когда самостоятельно извлекал клещей. И не обращался при этом в травмопункт. А, самое главное, легкомысленно относился к обязательной вакцинации. Это непростительно при его работе в лесу, – возмутилась молодая женщина, воспринимая ситуацию с пациентом близко к сердцу. – Хотя, – она умерила пыл, почувствовав, что невольно причинила боль парню, заговорив об отце в подобном тоне, – теперь уже нет смысла говорить об этом.

– Но энцефалита точно не было, – упирался Виталий.

– Симптомы этого заболевания, – терпеливо продолжала объяснять Александрина, – иногда очень похожи на сильную простуду. Что скажешь о его болезни после одной из поездок на рыбалку?

– Простуда действительно была, – вспомнил парень. – Температура, ломка во всём теле, жуткая головная боль.

– Вот, – печально подтвердила Александрина, – именно такие признаки. И, скорее всего, твой отец перенёс заболевание на ногах.

– Ну, да, – растерялся Виталий, – полежал дома пару дней и на работу. Надо же, мы и подумать не могли об энцефалите. Решили, что сильно переохладился на реке. Хотя, – усомнился парень, – папа практически никогда не простужался. Точно, – с горечью воскликнул он, сопоставив очерёдность некоторых событий, – как раз в этом году у папы и начались нелады со здоровьем. Скажите, пожалуйста, – помолчав немного, спросил Виталий, – каким образом можно вылечить папу? Может, ещё не поздно? Таким больным сейчас наверняка делают операции. Если не в Москве, то за границей уж точно. Я всё для папы сделаю, – разгорячился он. – Сколько смогу, заработаю. Остальное наберём с бабушкой. Дом продадим, если нужно. Лишь бы только папа выздоровел.

– К сожалению, – покачала головой Александрина, после того как парень выговорился, – таких операций не делают. Даже экспериментальных, – заключила она, сокрушая надежду молодого человека. – Медикаментозно можно немного поддержать больного, но выздоровление, увы, невозможно.

Глава 3

Пять лет назад

На пятый год отношений с Владимиром Александрина забеременела.

– Ура, подружка, – негромко воскликнула Лариса, завершив осмотр взволнованной молодой женщины. – Наконец-то и ты станешь мамочкой!

– Здорово, – прошептала растроганная Александрина, покидая кресло. – Ты уверена?

– Более чем. Шесть недель. Пойдём-ка ещё спустимся в кабинет УЗИ. Порадуешь своего Пустовалова фоткой.

– Не думаю, что это хорошая идея, – слегка нахмурилась Александрина.

– Почему вдруг? – удивилась Лариса.

– Да так, – пожалала плечами Александрина. – С фоткой я буду чувствовать себя сериальной героиней. Боюсь, разговор предстоит не из лёгких.

– Брось, – отмахнулась подруга, – не накручивай себя. Володя давным-давно вышел из возраста легкомыслия. Уверена, мужчина в тридцать пять вполне созрел, чтобы стать отцом. Глядишь, ещё и предложение сделает. Слушай, Санчик, – воодушевилась она, – а может, он только этого и ждёт?

– Ну, ладно, что толку, гадать. Пока не поговорю, не узнаю.

– Не затягивай!

– Не буду, – пообещала Александрина. – Мы как раз сегодня встречаемся.

* * *

Они пересеклись взглядами в ресторане и, как обычно происходило между ними, взаимно восхитились друг другом. опередив любимую, Владимир прибыл за полчаса. Поднявшись из-за стола при появлении Александрины, помимо неё, Пустовалов вызвал восторг у всех женщин, оказавшихся в ресторане. Полные достоинства, неторопливые движения; подтянутая, накачанная фигура, очертания которой не удалось замаскировать прекрасного покроя тёмно-серому костюму; рубашка спокойного синего цвета, прекрасно оттеняющая кожу мужественного лица, с лёгким ежегодным загаром заядлого путешественника. Таков был облик возлюбленного Александрины. Особенно подкупал взгляд глубоких синих глаз Владимира, направленный исключительно на женщину, которую он ожидал.

Бежевые туфли-лодочки; стройные ноги, прикрытые чуть ниже колен платьем, покроя «футляр». Светло-жёлтая ткань наряда прекрасно гармонировала с волнистыми, длиной до плеч, волосами цвета тёмной луковой шелухи. Улыбка покрытых бордовой помадой губ, невзирая на волнительный момент для Александрины, оставалась открытой.

– Ты ослепительна, – негромко произнёс Владимир, усаживая любимую за стол.

– Спасибо, – подняла к нему счастливый взгляд молодая женщина. – Ты тоже.

– Значит, мы гармоничная пара, – весело заключил Пустовалов, – всем на зависть, – мужчина едва заметно повёл глазами в сторону, обращая внимание возлюбленной на восторженных посетительниц ресторана.

Александрина собиралась сказать, что зависть – одно из последних чувств, которые она желала бы вызвать у окружающих. Однако, решив не придирается к словам, Логвинова сдержалась, искренне считая, что Владимир всего лишь хотел сделать ей приятное. В таком случае, незачем портить чарующие мгновения встречи, обращая внимание на пустяки. Перед молодой женщиной стояла непростая задача. Следовало, выбрав подходящий момент, попытаться объяснить с возлюбленным.

– Ты не будешь против начать ужин с десерта? – невинно поинтересовался Владимир, ошеломив спутницу.

Александрина потеряла дар речи, когда в обстановке приглушённого освещения официант водрузил на середину стола небольшой шоколадный торт в сияющих брызгах бенгальских огней.

«Немыслимо, – поразились молодая женщина, прижав ладони к лицу. – Каким образом Володя узнал, что последние несколько недель меня просто неудержимо тянет на сладкое? Догадался? Нет, не может быть! Мы же виделись с ним ещё до того, когда это началось. Неужели Лариска? Ну, конечно же! Это она позвонила Володе, опасаясь, что я не решусь рассказать ему. Хотя... маловероятно как-то. Лора, безусловно, человек решительный, и за словом в карман не полезет. Но чувство такта никогда не позволило бы подруге перейти границы определённого рода. Как бы там ни было, неожиданный десерт сильно облегчит мне начало разговора».

– Спасибо, Володя, – просияла Александрина, отняв ладони от лица. – Сюрприз потрясающий.

– Понравилось? – с мальчишеским азартом спросил Пустовалов.

– Необычайно!

Несмотря на удовольствие, сладкое угощение не облегчило Александрине перехода к признанию. Покидая ресторан, молодая женщина решила перенести разговор с возлюбленным на другое время. Тем более сразу после ужина они отправились в танцевальный клуб. Александрина невольно поймала себя на мысли, что Володя представляется ей неутомимым молодым человеком, хотя разница в возрасте между ними составляла пять лет в её пользу.

* * *

– Куда поедем? – тихо спросил в такси Володя, целуя любимую в шею чуть ниже уха. – К тебе или ко мне?

– Давай сегодня ко мне, – радостно выбрала Александрина, намереваясь возобновить попытку признания, справедливо полагая, что будет увереннее чувствовать себя на «своей территории».

Назвав таксисту адрес, Владимир весь оставшийся путь перебирал руками волосы возлюбленной: пропускал локоны сквозь пальцы; слегка потягивал пряди, зажимая их в горсти на затылке. Млея в объятиях, молодая женщина отчаянно желала, чтобы поездка длилась как можно дольше. Однако она промелькнула так же быстро, как и полные страсти несколько часов.

С неохотой выбираясь из сладостного беспомыслия, Александрина сфокусировала взгляд на мужчине, вполне одетом, готовом покинуть её квартиру. Владимир никогда не оставался на всю ночь. Точно так же поступала и Александрина, невольно копируя манеру поведения возлюбленного, когда свидание происходило в квартире Пустовалова. К её огромному сожалению, за пять лет отношений ни разу не было случая, чтобы они проснулись вместе. Когда Владимир наклонился к лицу молодой женщины, одаривая на прощанье мимолётным поцелуем в щёку, то ясно различил по губам, уловив едва слышимый шёпот, её умоляющий призыв.

– Не уходи... пожалуйста!

– Вечер был изумительный, – насторожился мужчина, присев на край широкой кровати, питая надежду, что у любимой хватит сообразительности не омрачать свидание капризами либо истериками, хотя ни то, ни другое ей было не свойственно.

– Мне надо с тобой поговорить, – поднялась с постели Александрина, окончательно сбросив сладкий морок.

– Звучит угрожающе, – насмешливо приподнял бровь Пустовалов. – Ты не находишь?

– Скорее, банально, – повернулась спиной обнажённая молодая женщина, проворно добывая из встроенного шкафа свежее нижнее бельё и одежду. – Но, извини, за весь на самом деле изумительный вечер так и не смогла подобрать оригинальной фразы для начала, – сказала она, облачаясь в бирюзовое летнее приталенное платье – первое, что попало ей под руку. – Если ты не против, – отважно глянула на мужчину Александрина, – пойдём в кухню или в гостиную. Очень хочется чаю, – пояснила она, прекрасно зная, что, после утоления любовного пыла, Владимир предпочитает находиться в обстановке идеального порядка или, скорее, в силу присущей ему непоседливости, просто нуждается в перемене места.

– Судя по многозначительности твоего тона, – предположил Пустовалов, – мне потребуется кое-что покрепче. И это явно будет не кофе, – весело добавил он.

– Давай для начала озвучу, – сказала Логвинова, усаживаясь в кухне напротив возлюбленного, – а потом ты сам решишь, какой из напитков предпочесть.

– Я тебя слушаю, – сцепив пальцами руки, положил их перед собой локтями на стол Владимир.

– Володь, – растерялась Александрина, взволнованно откидывая пятернёй пряди волос от лица, – признаюсь, что, заводя этот разговор, чувствую себя героиней мелодрамы.

– Ну-ну, – снисходительно ухмыльнулся Пустовалов, – не стоит так усложнять. Побольше смелости, моя отважная Сандра! – подбодрил он. – Обещаю честно ответить на твой вопрос или просьбу.

– Скорее, сообщение, – осмелела Александрина. – Итак, перед тобой женщина с шестинедельным сроком беременности. Одним словом, будущая мать твоего ребёнка.

– Словосочетание, – поправил Владимир.

– Что? – переспросила поражённая его деловитым спокойствием Александрина.

– «Будущая мать ребёнка» – это словосочетание, а не одно слово, – спокойно пояснил Пустовалов.

– Ты упустил слово «твоего», – с трудом преодолевая раздражение, заметила молодая женщина. – Или у тебя сомнения на этот счёт?

– Ни малейших, – уверенно ответил Владимир. – Просто ожидал услышать несколько иное. Ну, да ладно. Надеюсь, узнав моё отношение к этому, ты получишь ответ на вопрос, который не прозвучал.

– Слушаю тебя, – копируя позу возлюбленного, уселась Александрина, выставляя сцепленные пальцами руки на стол.

– Мне тоже, – горько усмехнулся Пустовалов, – со своей стороны не хотелось бы выглядеть тупым персонажем из слезливых сериалов, бросающим женщину с ребёнком.

– Володь, – вспыхнула Александрина, – я просто хотела сказать...

– Сандра, дослушай, пожалуйста, – твёрдо перебил её мужчина. – Потому что сообщение я услышал и объяснений не жду. Мы оба взрослые люди, вполне способные осознавать свою ответственность за всё, что касается отношений. Ты не находишь?

– Разумеется. Извини, пожалуйста. Я слушаю.

– Так вот, прежде всего, ответственность за ребёнка я принимаю. Но... – многозначительно умолк Владимир, пытаясь оценить, насколько адекватна женщина в её состоянии и способна ли правильно воспринимать сказанное, – что касается всего остального... – Пустовалов снова взял паузу, подбирая слова. – Видишь ли, Сандра, – решительно и немного печально продолжил он, – я не способен испытывать умиление, подобно некоторым мужчинам. Есть такие, что заливаются слезами при одной только мысли, что станут отцом. Я не из них. И честно говорю об этом.

– Володя, – в тон ему, грустно произнесла Александрина, – питаю надежду, что за всё это время хоть немного узнала тебя. Поэтому умиления точно не ждала.

– Рад, что правильно меня поняла, – воодушевился реакцией возлюбленной Владимир. – Очень рассчитываю, что ответ на твой невысказанный вопрос тоже не прозвучит неожиданно. В таких случаях женщины обычно жаждут узнать, будут ли они вместе с отцом ребёнка.

Александрина промолчала, оставив предположение без комментария, поскольку озвученный мужчиной вопрос действительно беспокоил её.

– Опять же, постараюсь ответить предельно честно и, надеюсь, понятно. Мы будем вместе при двух условиях. Во-первых, не раньше, чем ребёнок достигнет двухлетнего возраста. А, во-вторых, если к тому времени ты сама этого пожелаешь.

– То есть, – изумилась молодая женщина, – сейчас мы с тобой расстаёмся?

– Ну, не буквально, – смутился мужчина. – Просто будем не рядом. Кстати, – развёл ладони в стороны Пустовалов, – что касается материальной стороны дела, тут без вопросов. Надеюсь, ты позволишь мне обеспечить достойный уровень жизни тебе и ребёнку?

– Как это будет происходить? – скривилась Александрина. – Раз в месяц станешь приносить мне конверт с деньгами? Или присылать с посылным?

– Не надо, Сандра, прошу тебя, – вежливо, но решительно оборвал её Владимир. – Я не заслужил.

– Извини.

– Просто оставлю тебе карту. Пользуйся без ограничений. Если потребуется сверх того, позвони мне, буду пополнять.

– Номер телефона не сменишь? – снова не сдержалась Александрина. – Прости, – не дожидаясь отповеди Пустовалова, она прикрыла лицо ладонью.

– Принято, – спокойно сказал он. – Не волнуйся. Осталось ещё пояснить, почему сейчас мы будем существовать отдельно. Да-да, я не оговорился. Именно существовать. Во всяком случае, что касается меня. Я люблю тебя, Сандра. И мне будет очень непросто. У меня нет другой женщины, с которой я мог бы разделить свои увлечения, досуг, страсть, в конце концов. Но я справлюсь. И, полагаю, мне будет гораздо легче, чем тебе. Однако мы должны это сделать, чтобы не потерять друг друга совсем.

– Неужели сейчас ты испытываешь ко мне отвращение? – ужаснулась от своей догадки Александрина.

– Нет, конечно же, нет, – решительно отверг её предположение Владимир. – Я всего лишь пытаюсь оградить наши отношения от статичности. Вполне вероятно, сейчас ты станешь испытывать потребность в уютной обстановке, в покое. А это именно то, к чему я как раз питаю отвращение. Для меня недопустимо находиться в покое. От слова «уют» у меня нервный тик начинается, – тихо рассмеялся мужчина. – Мне требуется постоянное движение. И оно уж никак не связано со всеми этими вещами, которые люди привыкли считать умильными. Совместные походы к врачу, снимки УЗИ на разных сроках, чашка какао к пробуждению, воздушные шарик при выписке, оформление с дизайнером детской комнаты. В общем, всё это я считаю несущественным.

– Разве быть рядом со своим ребёнком – это несущественно? – удивилась молодая женщина. – Чувствовать, как он любит и гордится тобой?

– Заслужить любовь ребёнка гораздо проще, чем ты думаешь, – вновь усмехнулся Пустовалов. – Достаточно искренне любить его мать. Вот с гордостью сложнее. Когда ты ничего не можешь оставить в наследство своим детям. Не банальную недвижимость, полдюжину крутых тачек и пригоршню семейных цапек, – пояснил он, заметив недоуменный взгляд Александрины, – а настоящее наследство. То, что не имеет ничего общего с пресловутым «уютом». Реальное наследство, Сандра, это движение, постоянный доход, живая субстанция, если хочешь. Это дело, в которое ты вносишь свою энергию, знания, в которое ты, в буквальном смысле слова, вдыхаешь жизнь. Мой отец когда-то был в двух шагах от приобретения, так называемого, наследства. Во времена приватизации мастер пивного завода скупал у своих

коллег акции. Те не знали, что делать с этими нарядными бумажками, а он знал. Отец взял в долг у кого только можно, продал свою дачу, машину и квартиру родителей, забрав их к себе. К моменту судьбоносного собрания акционеров у него было пятьдесят два процента акций. И что ты думаешь? Приехавшие из Москвы, совершенно незнакомые люди вежливо разъяснили ему: чтобы сохранить жизнь, он должен отдать большую часть акций. Просто отдать. Ему оставили жизнь вместе с жалкими десятью процентами акций. И предложили должность исполнительного директора завода. Отец согласился. Он никого не кинул. Все долги со временем вернул. Родителям купил квартиру неподалёку, и они достойно доживали под хорошим присмотром. Но того дела, которое можно оставить в наследство детям, так и не приобрёл. Единственное, что ему удалось, сохранить для меня должность исполнительного директора. Впоследствии наш акционерный пакет вырос до двадцати процентов. Но это, увы, – грустно заключил Пустовалов, – довольно далеко от владения всем предприятием. Как ты знаешь, отец с матерью сейчас живут в Испании. Путешествуют по миру и выглядят вполне довольными жизнью. Тем не менее, знаю точно, отец не считает свою жизненную миссию выполненной. Что-то помешало ему, невзирая на знания, умения и упорный труд, исполнить её. Вот, – едва заметно вздохнул Пустовалов, – примерно такое у меня отношение к наследству. Но это, – улыбнулся он, как обычно, обаянием своей улыбки вызвав у молодой женщины учащённое сердцебиение, – своеобразное лирическое отступление. А что касается нас с тобой, ещё раз повторю, что, настаивая на временном расставании, я пытаюсь сохранить наши отношения, как бы парадоксально это ни звучало.

– Спасибо тебе, – собралась с духом Александрина, – прежде всего, за прямоту.

– Приятно, что ты оценила, – благодарно склонил голову в сторону Владимир. – Я действительно честен с тобой. Надеюсь, ты понимаешь, что для меня недопустимо зависнуть в состоянии покоя и, так называемого, семейного уюта. Это разрушит всё, вызвав скуку и отторжение.

– А как тебе представляется дальнейшая жизнь? – заинтересовалась молодая женщина. – Ну, когда ребёнку исполнится два года. Это ведь срок, который ты сам обозначил. Не так ли? Сможет ли малыш соответствовать твоим требованиям? А вдруг ему окажется не по силам и не в радость находиться в постоянном движении?

– Сандра, ты воспринимаешь всё буквально, – снисходительно улыбнулся Пустовалов. – Движение – это не только поездки по миру. Это заинтересованность множеством вещей; открытия на каждом шагу; необычайный кругозор, не ограниченный возможностями интернета. Вот что я имею в виду, говоря о движении. Мне по силам вовлечь туда нашего ребёнка. Это ведь главное, согласишься. А вовсе не подтирание соплей, замена памперсов и поиски способов вызвать аппетит у малыша. Безусловно, это вещи жизненно необходимые. Но их вполне можно обеспечить, оплатив хорошую няню.

– Уверена, ты будешь замечательным отцом, – с неподдельным восхищением произнесла Александрина. – Я буду счастлива, если ты окажешься рядом с нами.

Банковскую карту Александрина обнаружила в кухне на столе уже после ухода Владимира, в очередной раз подивившись его деликатности.

Глава 4

Пять лет назад

Минуло две недели после объяснения Александрины с возлюбленным, когда к ней на приём в поликлинику пришёл Виталий. Как и два года назад, он явился без отца, со снимками и бланками результатов анализов.

– Врач на больничном, – огорошила его медсестра. – Если что-то срочное, приходите во вторую смену к другому неврологу. Если приём плановый, то лучше позвонить через неделю и записаться на другой день.

– А что случилось с доктором? – заволновался молодой человек.

– Забрали вчера на скорой прямо с работы, – недовольно буркнула медсестра, вновь углубляясь в бумаги, которые она перебирала перед тем как в кабинет заглянул пациент.

– В какую больницу?

– У вас совесть есть? – вскинула суровый взгляд на парня медсестра. – Собрались в больнице её доставать? Сказано вам, если срочно, к другому неврологу. Вам в приёме никто не отказывает.

– Я понял. Извините, – с вежливым спокойствием ответил Виталий. – До свидания! – попрощался он, аккуратно закрывая за собой дверь.

Вернувшись к тёте, куда он накануне приехал с отцом, парень попросил женщину приготовить угощение для доктора. Он уже знал, куда отвезли Логвинову, по дороге из поликлиники обзвонив три городские больницы. Пакет фруктов и овощей; куриный бульон в небольшом термосе с широким горлышком; кусок куриного мяса; минеральная вода и ломоть сладкого пирога с грушами, который тётушка приготовила к приезду родных.

* * *

– Логвинова – четвёртая палата, гинекологическое отделение, пятый этаж, – ответили в «Столе справок» на запрос Виталия.

– Спасибо, – направился он к телефону-автомату внутренней связи.

– Логвинова после операции, – сообщила медсестра, – из отделения не выходит. Посещения только по пропуску. У вас есть? Вы родственник?

– Родственник, – вовремя сообразил Виталий. – Но пропуска у меня нет. Я живу в деревне. Только сегодня узнал про больницу.

– Фамилия как?

– Лесных.

– Ладно, поднимайтесь. Я сейчас сообщу на пост, вас пропустят.

– Спасибо, – обрадовался Виталий.

Александрина, проснувшись наутро после операции, обнаружила рядом встревоженно смотревшую на неё Ларису.

– Как чувствуешь себя?

– Нормально, – тихо проговорила бледная молодая женщина. – Вполне сносно для пациента после выкидыша. Шанса не было? – настороженно спросила она.

– Санчик, – горестно сморщилась подруга, – неужели я бы не воспользовалась им! Ни малейшего, увы. Теперь восстанавливайся, – заговорила она уже бодрее, – набирайся сил, и – в отпуск.

– А на море-то можно? – жалобно спросила Александрина.

– Нужно, – уверенно подтвердила Лариса. – Вот загорать не стоит. И вообще, как можно меньше находиться под солнцем. Но это установка на все времена, а не только после больницы.

– Палата – «люкс», – привстав, огляделась Александрина.

– Да, – торопливо кивнула подруга, – пока не востребована. Если что, попробую договориться с Ириной, – сказала она, имея в виду заведующую отделением. – Переведём в двухместную. Вдруг на «люкс» кто-нибудь польстится, тогда Карпович не вправе будет отказать. Всё же пять тысяч в сутки.

– Не надо ни к кому в глаза лезть, – села в кровати Александрина. – Вот, возьми. Пожалуйста, оплати палату, на сколько потребуется.

– «Пустовалов», – удивлённо прочитала Лариса, забрав из рук подруги карту.

– Он... оставил... для достойного обеспечения матери и ребёнка. Теперь вот пригодилась таким чудовищным образом.

– Перестань, не накручивай себя.

– Лора, скажи, – снова жалобно спросила Александрина, – почему так произошло? Может, что-то не в порядке со здоровьем?

– Санчик, мы же с тобой обследовались, как говорится, вдоль и поперёк. Всё было в исключительном порядке. Ничто не предвещало.

– Да, – задумчиво согласилась Александрина, – и чувствовала я себя на удивление прекрасно. При полном благополучии и, вдруг, такое. Не иначе, Володя постарался, – горько хмыкнула она.

– Ну, зачем ты так говоришь?

– Лор, он же его не хотел! Это сразу было видно! Володя – человек-праздник, фейерверк, круглосуточный салют. А ребёнок, по его мнению, – тоскливые будни и тошнотворный семейный уют.

– Он так сказал? – удивилась Лариса.

– Не буквально. Но, в его понимании, семье, где появляются дети, недопустимо менять свой образ жизни. Люди по-прежнему должны путешествовать; осваивать что-то новое; многим интересоваться; отыскивать новые увлечения, зачастую, экстремальные. Мне всё это тоже близко, но...

– Но, помимо праздника, – подхватила Лариса, – существуют будни, когда человек, бывает, грустит, болеет или просто хочет побыть в тишине. Помолчать рядом с тем, кто дорог.

– Для Володи даже тишина должна быть насыщенной, – констатировала Александрина, между делом достав из сумки, откуда она выудила карту, расчёску. – Молчать он будет недолго, – тихо улыбнулась она, приводя в порядок волосы. – При этом разглядывать звёздное небо, удивляя меня глубоким знанием астрономии. Как-то раз сказал, если ему доведётся открыть новую звезду, то назовёт её моим именем.

– Впечатляет, – бесстрастно отреагировала Лариса. – А сейчас, когда ты немного пришла в норму, пора тебя покормить.

– Пока вроде и не хочется, – с сомнением произнесла Александрина, с удивлением отмечая, что аппетит всё же даёт о себе знать.

– Ну, это будет не сиюминутно, – деловито сказала подруга. – Пока тебе придётся довольствоваться больничным завтраком. «Люкс» или общая палата, – усмехнулась она, – а питание одинаковое. Однако в нашей больнице далеко не самое плохое. Сегодня, кстати, довольно сносная овсянка. Я предусмотрительно оставила тебе порцию. А то до обеда ещё далеко. Сейчас подогрею в микроволновке у нас в ординаторской. И чаю заварю. Или ты предпочитаешь столовский отвар шиповника? Сегодня не приторный, сахара мало. Совсем как тебе нравится.

– Давай шиповник.

– Лариса Александровна, – вслед за коротким стуком в открытой двери показалось приятное лицо медсестры с дежурного поста, – там к Логвиновой посетитель. Говорит, родственник. Фамилия – Лесных. Пустить?

– Кто это? – удивлённо обернулась к подруге Лариса.

– Ой, – закусила губу Александрина, – это же парень, у которого отец болен паркинсонизмом. Они сегодня на приём записаны. И никто ему не позвонил.

– Так он, что, сюда на приём пришёл?

– Да что ты! Он парень приличный. Просто проведать, наверное. Только как узнал, куда меня положили?

– Ладно, приглашай, – кивнула медсестре Лариса.

Глава 5

Пять лет назад

– Здравствуйте, – посторонился в дверях Виталий, пропуская Ларису.

– Здравствуйте-здоровствуйте, родственник Лесных, – оценивающе оглядела молодого человека врач. – Гостинцы? – строго кивнула она в сторону пакетов в обеих руках парня. – Проходите, – впустила его в палату Лариса. – Не будете против, если я взгляну, что там? Дело в том, что у пациентки особая диета. Не все продукты разрешены.

– Пожалуйста, – засуетился Виталий, выставляя содержимое пакетов на небольшой стол напротив кровати на глазах едва сдерживающей смех Александрины, которую позабавило нарочито строгое обращение подружки с молодым человеком.

– Кстати, я лечащий врач Логвиновой – Лариса Александровна.

– Очень приятно, Виталий.

– Взаимно, – слегка приподняла бровь Лариса, приятно удивлённая манерами парня. – Так, – пробормотала она, бегло осмотрев угощение, – фрукты, овощи, пирог, минералка. Всё это можно. В термосе что? Куриный бульон? Прекрасно! В контейнере, вижу, курица. Отлично! А в этой бутылочке? Компот? Ах, кисель! Тоже великолепно! Замечательно, молодой человек! Оставляю вас, поскольку моего внимания ждут и другие пациенты, – милостиво улыбнулась напоследок врач, подмигнув втихомолку улыбавшейся подружке, наблюдающей сцену со стороны.

– Извините, Аля, что я вот так, неожиданно, – как ни в чём не бывало обернулся к Александрине парень.

– Это ты извини, что не смогла предупредить, – ответила молодая женщина, изумившись тёплому тону Виталия, когда он произнёс имя, впервые употребив краткую форму. – Угодила неожиданно.

– Ну, что вы! Завтра папу примет другой невролог.

– Как он себя чувствует?

– Честно говоря, не очень. За последние три месяца сильно похудел и ослаб.

– Понятно, – еле слышно, как бы про себя, сказала Александрина, – мышцы слабеют. Виталий, незачем тащить отца на приём. Позвоню Костомарову, он посмотрит снимки и анализы Николая Ивановича без него. А лучше вообще никуда не ходи. Приноси всё, что есть, сюда. Сама посмотрю.

– Нет-нет, – отказался Виталий, – я не собирался вас беспокоить. Просто проведать пришёл и... – смущённо улыбнулся он, – угостить. Ваш врач сказала, что всё это можно.

– Спасибо, Виталий, – тепло произнесла Александрина. – Ты извини Ларису за строгость. Она не только мой врач, а ещё и подружка, с раннего детства. Даже больше, чем подружка. Скорее, сестра.

– Как лучше бульон? – захлопотал Виталий. – В кружку налить? Или удобнее из тарелки с ложкой? Я всё это принёс, – торопливо пояснил парень.

– Ой, что ты! Давай я сама. Из тарелки, пожалуй, удобнее, – улыбнулась молодая женщина, с удовольствием наблюдая за гостем.

– Мне не трудно, – Виталий уже приближался к кровати с блюдом в руках, – и... приятно, – с улыбкой добавил он.

У Александрины внезапно кольнуло сердце от трогательной заботы.

«Конечно, куда приятнее поухаживать за выздоравливающей женщиной, – подумала она, – чем за отцом, состояние которого ухудшается день ото дня. Само собой, помогает бабушка. Но основные заботы всё равно ложатся на плечи Виталия. Кормление, уход за телом, ежедневный туалет, проблемы с запорами. Опять же, ночные недосыпания. Николай

Иванович сам мне жаловался, что требует поднимать его каждые два часа. То хочется посидеть, то кажется, будто задыхается. И от снотворного напрочь отказывается. Совсем как мой дедушка. Как у Виталия вообще хватает терпения? Любой другой на его месте давно бы сбежал без оглядки».

– Приятного аппетита! – прервал размышления Александрины парень.

– Спасибо, – подняла она взгляд, наполненный теплом. – Божественно, – закатила глаза молодая женщина, попробовав.

– А ещё курица...

– Я её позже отведаю, на обед. Обожаю холодную курятину. А сейчас кисель с пирогом.

Ой, как же всё вкусно, – восторженно облизала кончики пальцев Александрина, отправив в рот последний кусочек пирога. – Спасибо тебе преогромное!

– Выздоровливай, – глянул на молодую женщину Виталий, не сумев сдержать пылкость во взгляде.

– Теперь обязательно.

– Я завтра снова приду.

– Ну, что ты! Зачем? У тебя и с отцом забот хватает.

– Только скажи, когда лучше, – не обратив внимания на отказ, произнёс Виталий, незаметно для себя окончательно перейдя на «ты» в обращении к Александрине, – в первой половине дня или во второй. А то вдруг я помешаю родным.

– Знаешь, – уселась поудобнее она, приподняв подушку к спинке кровати, – а ведь у меня нет родственников, кроме Ларисы. Правда, её родители могут прийти, вот и всё.

– А твои родители?

– Мои, – подавила вздох Логвинова, – умерли, практически одновременно, когда мне исполнилось четыре. Они отправились в числе первых ликвидаторов на Чернобыльскую атомную станцию, сразу после аварии. И потом... болезнь забрала обоих одного за другим. Меня воспитывали дед с бабулей – родители отца. Дедушка начал заболеть, мне ещё года не было. Сперва как-то странно повёл себя мизинец на левой руке. Словно онемел.

– А у папы так было со всеми пальцами на обеих руках.

– Потом и у деда также было. Затем изменилась походка. Бабушка говорила, что со стороны казалось, будто у него колено на шарнире. Дед не просто переставлял ногу, а как бы хлопал ступнёй об землю.

– Точно так и у отца, – подхватил Виталий.

– Он ходил сначала с палочкой, потом на костылях, – рассказывала Александрина, сообщая, как деликатно довести до сведения парня, каким образом будет изменяться физическое состояние отца в самое ближайшее время. – Затем руки настолько ослабли, что он не в силах был удерживать и переставлять костыли.

– То же самое и с папой, – обречённо проговорил парень. – Он уже ходунки не может переставлять. И мне приходится почти тащить его на себе, – горько добавил Виталий. – Наверное, скоро и к тёте не сможем приезжать. Она хотя и на первом этаже живёт, но для отца эти восемь ступеней – непреодолимое препятствие.

– После ухода родителей бабушка решила перебраться со мной и с дедом в город, – продолжила молодая женщина, решив пока не развивать тяжёлую тему физического истощения больного постэнцефалитным паркинсонизмом. – Мы ведь жили тогда в Боровом. А деду нужно было обследоваться. Каждый раз не наездишься в город.

– Да уж, далековато. Шестьдесят километров или около того?

– Так и есть, – кивнула Александрина. – Продали дом, купили двухкомнатную квартиру. Нашими соседями по площадке оказалась семья Ларисы: она сама, её родители и бабушка. Практически сразу мы стали с ними одной семьёй. Ларисина бабушка помогала ухаживать за моим дедом. Она имела группу инвалидности по сахарному диабету. Присматривала

за дедом, когда моя бабуля работала, встречала меня из школы, кормила вместе с Ларисой обедами.

– А кем работала твоя бабушка?

– Сначала, когда приехали в город, терапевтом. Потом долгое время, до самой пенсии и ещё несколько лет, лор-врачом. Меня оставляли в семье Ларисы, когда бабушка пару раз возила деда в санаторий. Причём я была тогда совсем малышкой, дошкольницей. И в особо тяжёлые дни дедушкиного ухода несколько суток провела у Ларисы. Мне тогда исполнилось двенадцать. С Лоркой мы с тех пор не разлей вода, как сёстры. Учились в одном классе, потом уехали в Москву поступать в медицинский. А в конце первого курса у Ларисы родился сын, Арсений. Они с мужем Мишей полюбили друг друга ещё в школе. Поженились, когда Лора забеременела. Но, кому сидеть с ребёнком? Её бабушки к тому времени уже не было в живых, родители работали. Пришлось бы бросить институт на неопределённое время. А потом неизвестно, удалось бы вернуться к учёбе. И тут моя бабуля взяла дело в свои руки. Оставила работу, окончательно выйдя на пенсию, и растила Сеню до самой школы.

– Она жива?

– Нет, – покачала головой Александрина, – бабушка ушла спустя два года, как мы с Лорой окончили институт.

– Тебе повезло с подругой.

– Точно. А у тебя есть друзья?

– Двое, с которыми дружили со школы. Один погиб молодым. А с другим, Денисом, мы и сейчас дружим. Он после армии школу милиции окончил и теперь участковый в Сосновке и соседних сёлах. Были ещё несколько приятелей по учёбе в «Академии лесного хозяйства». Но после выпуска мы не виделись. Я ни разу не ездил на встречи. Не хочу оставлять отца.

– А мама? – осторожно спросила Александрина.

– Мамы не стало сразу после моего рождения. В тот же день потеряла ребёнка другая женщина, что рожала вместе с мамой. Так получилось, что ей пришлось меня кормить. Она говорила, что привязалась ко мне. Потом познакомилась с моим отцом. Так и стала мне матерью. А в семнадцать я остался только с папой. Та женщина уехала, ничего не объяснив.

– Отец тогда уже болел?

– Нет, – покачал головой Виталий. – Он заболел примерно через полгода после её ухода.

– Неужели даже с отцом не объяснилась?

– С отцом они поговорили. А на мою долю, – горько улыбнулся парень, – не выпало ни «прости», ни «до свидания».

– Вероятно, в таких случаях бывает сложно что-либо сказать. Скорее всего, она выбрала другого мужчину. Но, если находятся душевные силы объясниться с мужем, то найти подходящие слова для ребёнка гораздо труднее.

– Но я уже не был ребёнком, – разгорячился Виталий. – И понял бы. А так, будто меня и не было никогда... Будто не было этих семнадцати лет...

– Не осуждай её, – тихо попросила Александрина, у которой подспудно зрело сочувствие к незнакомой женщине, вынужденной сделать нелёгкий выбор. – Возможно, она просто не хотела причинять излишней боли твоему отцу, не хотела лишней раз напоминать о себе. Поэтому решила, что не будет видеться с тобой. Уверена, ей пришлось нелегко.

– Я и не осуждаю, – сник парень. – Только теперь дороже отца у меня никого нет, – упрямо сжал губы Виталий. – Бабушка, конечно, нам помогает. Но в основном я стараюсь справляться сам.

– Это мама отца?

– Да, – кивнул Виталий. – Она живёт совсем рядом. Наши дома на одной улице, напротив.

– Твой папа до болезни тоже работал лесничим, – заинтересованно уточнила Александрина.

– Логвинова, – распахнула дверь медсестра со стойкой капельницы в руках, – капельница.
– Извините, Аля, – поспешно поднялся молодой человек, снова машинально обратившись к ней на «вы». – Я вас заболтал, – проворно наведя порядок на столике с гостинцами, Виталий устремился к двери.

Глава 6

Пять лет назад

На третий день Лариса объявила подруге, внимательно отслеживая реакцию на своё сообщение.

– Мне звонил Владимир, спрашивал о тебе.

– Что сказала? – вяло поинтересовалась Александрина.

– Правду.

– Не-е-ет, – испуганно протянула Александрина. – Зачем?

– Санчик, а что я должна была ответить? Твой сотовый отключен. Пустовалов в теме, что отпуск у тебя только через две недели.

– Прости, Лор! Он же наверняка примчится, а я не готова с ним встретиться.

– Не выдумывай ерунды, – наморщила лоб Лариса. – Какая тебе нужна подготовка? Здесь, на минуточку, больница, а не танцевальный клуб.

– Вот именно, больница. И вид у меня соответствующий.

– Санчик, ты меня удивляешь! Твой Пустовалов – член королевской семьи, для приёма которого требуется соблюдение этикета во внешности?

– Не в этом дело, – тоскливо произнесла Александрина. – Просто Володя всегда безупречен во всём, что касается внешнего вида. И предпочитает, чтобы женщина рядом с ним выглядела соответствующе.

– На тебя наркоз, что ли, так повлиял? – покрутила пальцем у виска Лариса. – Ты ребёнка потеряла! Между прочим, его ребёнка.

– Лор, – совсем сникла Александрина, – мне кажется, он так до конца и не поверил, что это от него.

– Почему? – удивилась подруга. – Получается, он думает, что ты спишь со всеми подряд.

– Нет, конечно. Знаешь, создалось впечатление, что за его своеобразной реакцией кроется нечто такое, о чём Володя не решился сказать.

– Например?

– Либо он убеждён, что у него не может быть детей. Или же у них в семье какое-то наследственное заболевание.

– Странные предположения, – Лариса озадачилась возбуждённым состоянием подруги, несмотря на то, что та пыталась тщательно это скрыть. – В таком случае, почему бы не сказать напрямую?

– Согласись, это непросто. И, опять же, это всего лишь мои домыслы. Спросить напрямик я не осмелилась.

– И совершенно напрасно. Речь-то шла о здоровье ребёнка. Так что, зря ты поделикатничала. Но у тебя будет возможность исправить оплошность. Владимир приедет вечером...

– Сегодня? – всполошилась Александрина.

– Санчик, – деловито проговорила подруга, – косметичка у тебя при себе, одежда свежая, в палате чисто. Что ещё требуется? Успокоительное принести?

– Лор, спасибо, – тихо рассмеялась Александрина в ответ на безобидную подколку Ларисы. – Я в порядке.

* * *

Владимир заявился в шестом часу вечера, наделав бесшумный переполох в отделении. Оказавшийся в коридоре медицинский персонал и кое-кто из пациентов с восторгом, на грани

зависти, наблюдали за мужчиной с огромным букетом разноцветных флоксов, не меньше метра в диаметре.

Об этот самый букет Лариса споткнулась, обнаружив на полу возле двери, когда зашла к подруге после непродолжительного пребывания Пустовалова.

– Ну, зачем так, – присела она на постель, вплотную к рыдающей в подушку Александрине. – Цветы точно не виноваты, – тихо добавила Лариса. – Санчик, прекрати истерику и объясни, что произошло, – с ласковой настойчивостью попросила подруга.

– Разумеется, цветы не виноваты, – повернула к ней залитое слезами лицо Александрина. – Они всего лишь выглядят как букет на могилу нашего ребёнка, – с озлоблением проговорила она, усаживаясь в кровати.

– Перестань, – обняла её Лариса, оглаживая по волосам. – Было бы из-за чего расстраиваться. Скажи, пожалуйста, а что он должен был принести, если не цветы?

– Лор, – всхлипнула в руках подруги Александрина, – мне показалось, что он рад случившемуся. Правда. Не перебивай, дай сказать. Цветы дарят, когда забирают из роддома. А тут... Совсем не к месту. Принёс бы, я не знаю, пирожное какое-нибудь. Но только не цветы. Вот смотри, Виталий, совсем посторонний человек, которому я, грубо говоря, по барабану, натащил кучу еды. Ходит каждый день. Согласись, как врача он мог бы отблагодарить меня как-то иначе. Ну, скажем, пришёл разок, принёс что-то нейтральное, например, фрукты, и привет.

– Зачем равнять этого мальчика с Пустоваловым? – мягко отстранила подругу на расстояние вытянутых рук Лариса. – Парень привык ухаживать за отцом. И прекрасно понимает, что питание в больнице не ахти какое. И потом, – пристально взглянула Лариса в лицо подруге, – мне показалось, что он к тебе неровно дышит.

– Ой, да брось ты, – отмахнулась Александрина. – Просто внимательный парень. И ты правильно говоришь, привык заботиться об отце. Но почему бы Володе не проявить хоть какой-то минимум заботы? Или он считает, что я без проблем могу всё себе купить, по-прежнему пользуясь его картой. Кстати, совсем забыла вернуть ему.

– Санчик, не могут же все люди быть одинаковыми. Пустовалов совсем другой. Уверена, что букет он купил, не задумываясь. А прийти к тебе в больницу с котлетами и бульоном ему бы и в голову не пришло. Так, ладно, а теперь, скажи, ты спросила Пустовалова о наследственных заболеваниях?

– Какое там? Совсем из головы вон. Он был настолько бодр и весел. Утверждал, будто ожидал увидеть нечто худшее. И очень рад, что ошибся.

– Санчик, он просто старался тебя подбодрить.

– Думаешь? – жалобно спросила Александрина.

– Ну, а как иначе, – ласково сказала Лариса. – Ты же сама говорила, что Владимир человек-праздник. Вот он и попытался организовать его для тебя в условиях больницы. Разве было бы лучше, если бы он принялся рыдать у твоей постели как в низкопробных мыльных операх? Надеюсь, – внезапно забеспокоилась она, – ты не устроила ему скандал?

– Нет, – потянулась к тумбочке за пачкой влажных салфеток Александрина. – Сдержалась. Всё самое гнусное, как обычно, досталось близким людям, – горько усмехнулась она. – Прости за истерику, пожалуйста!

– Близким людям не привыкать, – улыбнулась Лариса, потрепав подругу по волосам. – Я же люблю тебя, Санчик.

– Вот и он так сказал, – задумчиво проговорила Александрина. – Это меня и обезоружило.

– Он же вроде всегда называл тебя «Сандра», – засомневалась Лариса.

– И сейчас прозвучало «Сандра». Сказал, что любит. Поэтому растерялась и напрочь забыла, о чём собиралась спросить. Лорик, я ведь тоже люблю его. С ума схожу. Лор, а может, это случилось из-за меня?

– Что из-за тебя?

– Потеря ребёнка. Может, это я его не хотела? И Володя здесь ни при чём? А вдруг он проверял меня таким образом? – испугалась Александрина. – Нарочно сказал, будто расстаёмся на время, – объяснила она, видя недоуменный взгляд подруги. – Хотел увидеть мою реакцию. Лор, а вдруг сейчас он подумал, что я аборт сделала?

– Перестань чушь молоть!

– А если действительно так?

– Логвинова, – сердито назвала подругу по фамилии Лариса, – я всё-таки вынуждена буду пригласить на консультацию психиатра.

– Лорик, прости, – вытерла вновь набежавшие слёзы Александрина. – Сама не понимаю, что говорю. Я на самом деле подвисла, когда Володя сказал, что не испытывает ни радости, ни умиления по поводу отцовства. Это было настолько неординарно, что я не нашлась с ответом. Если бы он просто, как говорится, «поматросил и бросил» или же засомневался, что ребёнок его. Или сказал бы, что пока не время обзаводиться детьми. Но ведь ничего подобного не прозвучало. Только признание в любви и просьба расстаться на время.

– Кстати, – заинтересовалась Лариса, – это действительно прозвучало как просьба?

– Не совсем, – смутилась Александрина. – Скорее, как настойчивая просьба.

– Мотивация?

– Чтобы не погрязнуть в скуке.

– Хм, орущий младенец – это скучно?

– Это не интеллектуальное общение. Слёзы, сопли, памперсы и бутылочки – удел наёмной няни. На долю родителей должны оставаться: развитие личности малыша, его кругозор, таланты. Им следует показать ему мир и обеспечить достойное место пребывания в нём.

– Может, и не самые плохие перспективы, – в свою очередь смешалась Лариса. – Согласись, Володя вправе иметь свою точку зрения на воспитание детей. К слову, замечу, что с Арсением у нас с Мишей получилось именно так, хотя и невольно. Все бытовые заботы легли на твою бабушку Полину. Вдобавок и всё остальное, о чём ты упомянула. Мы, как родители, подтянулись уже потом, ближе к школе.

– Как бы там ни было, – грустно заключила Александрина, – не осталось возможности проверить, прав ли Володя.

– Какие твои годы! Всё ещё впереди. Итак, Санчик, грустить не будем. Давай-ка лучше выберем, какие вкусности заказать Мише. У него завтра выходной. Он подъедет утром забирать меня и привезёт.

– Лорик, спасибо, моя хорошая, и тебе, и Мише! Не хочу пока ничего. Просьба одна: отнеси, пожалуйста, букет на мусорку.

Беспрекословно забрав цветы, Лариса не успела дойти с ними до выхода из отделения. Обескураженные таким кощунством, медсёстры и санитарки раздербанили флоксовый сноп себе на букеты.

В отличие от Виталия, приходившего каждый день, Пустовалов в больнице больше не появился. А через десять дней Александрину выписали.

* * *

Невзирая на неоднозначную реакцию Александрины на визит Пустовалова, в отпуск, к морю, они отправились вдвоём. Владимир окружил её заботой, от которой у молодой женщины буквально таяло сердце.

Отдых, по традиции, не был статичным. Купание в море чередовалось с поездками. Правда, на сей раз, Владимир исключил экстремальные маршруты. Пустовалов самоотвер-

женно отказал себе в удовольствии мчаться по горной реке в открытом джипе; лазить по ущельям и веселиться в новом аквапарке с самыми крутыми на Кавказском побережье горками.

Однако в местечко с целебными грязями они полдня добирались на катере, в полной мере насладившись замечательной морской прогулкой. А на завод виноградных вин пару доставил вертолёт. Таким образом, выздоравливающая молодая женщина оказалась избавлена от длительных пеших прогулок и передвижений в автомобиле.

Благодарная возлюбленному, Александрина в буквальном смысле слова оживала. Море исцеляло, солнышко подпитывало организм витамином Д, воздух опьянял свежестью и неповторимым миксом южных ароматов. Пицундские сосны в городке, где отдыхали влюблённые, придавали сил, наполняя здоровьем. Восторженный взгляд мужчины полировал кожу. Его близость, готовность исполнить любое желание побуждали поверить в любовь и взаимное счастье.

Глава 7

Два года назад

Когда Виталию было двадцать восемь, Николая Ивановича не стало. Логвинова навещала своего пациента достаточно часто и знала, что тот слабеет день ото дня. Однако известие об уходе отозвалось для Александрины болью в сердце. Также, как в своё время и у её деда, причиной ухода Лесных стала пневмония.

Во дворе дома в Сосновке Александрину встретила опечаленная бабушка Виталия.

– Когда? – спросила молодая женщина.

– Сегодня десятый день.

– Виталий как? Держится?

– Какое там! – обречённо махнула рукой бабушка, удержавшись от комментариев, поскольку внук появился на крыльце дома.

Бледный цвет лица, как будто парень провёл в подвале, по меньшей мере, месяц; отросшая щетина, которую с полным правом можно было смело именовать бородой; потухший взгляд тёмно-карих глаз, с синевой под ними.

– Здравствуй, – обратилась к молодому человеку Александрина. – Мне срочно нужна твоя помощь. Можешь съездить со мной на пару часов?

– Здравствуй, – хрипло ответил Виталий. – Конечно, могу. Я буду готов минут через двадцать, – произнёс он по-прежнему тихо, однако, прочистив горло, убрал из голоса хрипотцу.

– Увезите его, Александрина Григорьевна, – воодушевлённо зашептала пожилая женщина, – хоть на часок. А то совсем пропадает парень!

– Он, что, пьёт? – забеспокоилась Александрина.

– Ой, нет, что вы! Да уж, глядя на него, иной раз думаю, лучше б уж выпил кое-когда, чем так.

– А что происходит? – не на шутку встревожилась Логвинова.

– Никак после отца в себя не придёт... Ох, простите меня, – спохватилась пожилая женщина, – совсем из ума вон! Пойдёмте в дом, помянете Николая.

– Это вы меня извините, Анастасия Петровна, – взошла на ступени крыльца вслед за женщиной Александрина, – что суету вам создала. Но, мне кажется, сейчас надо как можно скорее увезти Виталия. Ему крайне важно сменить обстановку.

– Верно, – согласилась Анастасия Петровна. – Тогда я вам сейчас с собой соберу. Перекусите с Виталиком.

– Так что с ним? – нетерпеливо спросила Александрина.

– Худо с ним, Александрина Григорьевна, – понизив голос, продолжала пожилая женщина, проворно складывая в пластиковые контейнеры бутерброды, овощи, нарезая дополнительно сыр, ветчину. – Коленька сын мне. Тяжко было смотреть на его мучения. Шуточное ли дело, целых одиннадцать лет! Да год от года всё хуже. Только и я уж почти смирилась с его уходом. Иной раз думаю, отмучился мой сердечный. А Виталик никак не смирится. Всё твердит, живут же инвалиды годами. Ухаживают за ними. Но они живут. Так, почему же, говорит, папа так быстро угас.

– Он и на работу не ходит? – предположила Александрина.

– В отпуске, – взмахнула ладонью Анастасия Петровна. – Виталик видел, что отцу хуже становится. Вот и взял отпуск, чтоб как следует поухаживать за ним. А тут вон как обернулось. На работе-то, глядишь, отвлёкся бы. А теперь, бедолага, из дому ни ногой, почти не ест, не пьёт, не бредется.

– Так можно же было прервать отпуск.

– Можно, конечно. Начальство только порадовалось бы. Сейчас ведь пожарная обстановка в лесах-то. Само-собой, Виталий всё, что надо, ещё весной сделал. Землю вокруг лесных участков по периметру тракторами опахали. Плакаты противопожарные обновили. Да и контроль постоянный. Он же целыми днями в лесу пропадал. А тот лесничий, что Виталика замечает, прямо с ног сбился. Разве успеешь на два участка-то?

– Я попробую поговорить с Виталием, чтобы на работу вышел.

– Поговорите, Александрина Григорьевна, – попросила пожилая женщина. – А то ведь до беды недалеко. Виталик-то, знаете, чего удумал, – снова перешла на шёпот Анастасия Петровна. – У Коленьки ружьё было. Виталию вроде и без надобности. На охоту он реже отца ходил. Но жаль продавать. Хорошее очень ружьё. Вот он его и переоформил на себя. А однажды Коленька как-то ключ от ящика, где ружьё стоит, добыл и попытался открыть. Спасибо, я вовремя вошла. Что ты, кричу, родимый, делаешь? А он как заплачет. Не могу, говорит, больше! Ну, я кинулась уговаривать, чтоб меня да сына пожалел. Да только с того случая решили мы с Виталиком ящик с ружьём в погреб спрятать. Так теперь, что вы думаете, как ни приду, Виталик из погреба вылезает. А в руках-то нет ничего. Что тут подумаешь, Александрина Григорьевна, милая? Я и спросить боялась, чего он там делал. Скорей побежала к дружку его, Денису, что участковым у нас. Рассказала как есть. Так вот он, дай Бог ему здоровья, пришёл ко мне спозаранку, только светало. Спасибо, Виталик ещё спал. Мы с Денисом ружьё-то вытащили, да он и забрал его к себе. Ключи-то я знала, где лежат. Взяла потихоньку, да потом обратно положила. Вот ведь, напасть какая, Александрина Григорьевна, милая! Может, и не думал ничего такого Виталик, да только сердце всё равно болит. Ему бы и правда обстановку сменить. Лида звала его к себе в город пожить. Он ни в какую.

– Вы не волнуйтесь, Анастасия Петровна. С Виталием всё в порядке будет.

– Я ещё вот что думаю, – таинственно заговорила пожилая женщина. – Уж не встреча ли с матерью так повлияла на парня нашего.

– Виталий говорил, что она ему не родная по крови.

– Так и есть, – закивала Анастасия Петровна.

– А когда он об этом узнал?

– Давно, ему лет пять было. Мы решили как можно раньше рассказать, чтоб чужие не успели. Здесь ведь деревня. Всякий может подойти к дитю да спросить: «Скучаешь по родной мамке-то?» Или ещё чего-нибудь ляпнуть. А мальчишка потом бы плакал, расстраивался. Вот мы ему сами и рассказали. Он же умным рос, не по годам. И серьёзным очень. На детских фотографиях никогда не улыбался. Всегда бровки нахмурит, глазками своими яркими глядит. Вот сказали ему, как есть, да с плеч долой. Он сперва особо и не понял, что к чему, но, как говорится, на ус намотал. А потом и правда так отбрил одну тут у нас, когда она завела с Виталиком разговор про родную маму, что та только диву давалась.

– Наверняка он вторую жену Николая Ивановича как маму любил, – предположила Александрина.

– Ой, да что вы! Конечно! И речи нет. Слушался её пуще отца. Да и она в жизни на него не накричала. Ласковая, добрая женщина. Она совсем молоденькой была, семнадцати лет, когда забеременела. Сама-то детдомовка, сирота. Научить жизни некому, предостеречь некому. Вот она и оступилась. Но от ребёночка даже не думала избавляться. Уж так его хотела. Да не сбылось. Неживым родился. А тут Виталик наш без матери остался. Как уж там, в роддоме-то, получилось, не знаю. Может, нянечка какая подсунула ей покормить. Да только привязалась она к нему, как к своему дитю. Потом с Николаем увиделись. Слово за слово, оба горем убитые. Вот и ухватились друг за друга. Решили вместе жить. Любви особой меж ними не было, но жили хорошо. Коля ведь намного старше был. У них с первой женой, Валею, долго детей не было. В общем, когда они с Агнешкой сошлись, ей восемнадцать, ему тридцать. Коля выучил её. Школу бухгалтеров она окончила.

– Агнешка? – подивилась Александрина редкому имени.

– Агнесса, – назвала полное имя бывшей снохи пожилая женщина. – Агнесса Богумиловна. Мать её от поляка родила. А тут, в деревне, так Агнешкой и звали. Она приличная женщина. Худого никто не мог сказать. И к Николаю уважительно относилась, и ко мне.

– Должно быть, полюбила другого? Потому и ушла.

– Другого, – горько хмыкнула Анастасия Петровна. – Как на духу вам скажу, Александрина Григорьевна. Коле-то она так и объявила, что, мол, к другому ухожу. Он загрустил, конечно, но с миром отпустил. И у него любви не зародилось, привык просто за семнадцать-то лет. А она, бедняжка, перед тем как уехать из села, всю ночь, почитай, у меня на коленях проплакала. Не было у неё в ту пору никого другого. А случилось вот что. Вырос наш Виталик – красавец писанный. Родная мать у него очень красивой была. На артистку похожа, что Аксинью в «Тихом Доне» играла.

– Элину Быстрицкую?

– Вот-вот, на неё. Виталик в мать уродился, только лицом смуглый, как отец. Коля мой тоже неплохой на вид, но до Вали ему, конечно, далеко было. Ох, только больно уж счастье их коротким оказалось, – увлажнились глаза у пожилой женщины. – Валюше не довелось своего сынишку растить. И Коля мой бедный столько лет проболел, промаялся.

Женщина умолкла. Александрина терпеливо ждала, давая ей время справиться с волнением. Вытерев набежавшие слёзы, Анастасия Петровна продолжила.

– Так вот Агнешка и влюбилась в нашего Виталика. Стыдно-то как, мама-Настя, говорила она. Я ж его выкормила, выходила, как сына. А теперь, увижу его, щёки горят, сердце из груди выскакивает. Бежать, говорит, надо, пока худого не случилось.

– Вот оно что, – озадачилась Александрина.

– Да уж, – перевела дух пожилая женщина. – Уехала она, работу подыскала по своей специальности. Потом и мужчина нашёлся для неё. Сейчас живут в Подмосковье. Всё хорошо у них, тихо, спокойно. Только вот деток нет. Сорок шесть ей сравнялось, а выглядит, как девчонка. Роста она маленького, волосы беленькие и кожа на лице – чисто фарфор. Рассказывала мне как-то. Ей уж сорок было, когда в магазине бутылку вина не продали, – по-доброму улыбнулась Анастасия Петровна. – Паспорт потребовали. Мы же связи с ней не теряли, с Агнешкой-то. Когда она узнала, что Коля серьёзно заболел, стала каждый месяц мне деньги присылать. Сама уж она к тому времени замужем была. Я поначалу отказывалась. Говорила, ты хоть не каждый месяц высылай. Мы вроде худо-бедно справлялись. Моя пенсия, да Колина по инвалидности, хоть и небольшая. Ну, и Виталик потом отучился, в армии отслужил, зарабатывать стал. А она мне: кормить Николая ежедневно нужно и лекарства покупать. Вот и не отказывайтесь, мама-Настя. Коля меня к жизни, говорит, вернул. И жили мы с ним лучше других. Слова плохого никогда не сказал, выучил меня.

– Благодарная женщина, – заметила Александрина, втихомолку порадовавшись, что когда-то в разговоре с Виталием не высказалась о ней неприязненно, невольно заочно проникнувшись доверием. – А Николай Иванович знал про деньги?

– Не сразу, но потом я сказала. А он как заплачет. Нервы-то уж были никуда. Виталику, правда, дольше не говорила. Он всё обижался, бедный, на Агнешку. Ведь она ушла, ни слова ему не сказав. Вот он и решил, будто мать, которая с пелёнок воспитала, его бросила. А про деньги я решила, пусть знает. Вдруг со мной что случится. Проводить Колю она приехала, – вздохнула Анастасия Петровна. – Муж Агнессу привёз на машине, и в тот же день они обратно. С Виталиком она успела немного поговорить. Я не знаю особо, о чём они там. Только краем уха слышала, когда до машины провозжали, как Виталик её благодарил, что не забыла отца.

– А родители родной мамы Виталия общаются с ним?

– Какое там! – всплеснула руками Анастасия Петровна. – Сваха, теперь уж вдовая, как и я, даже поглядеть на внука не пришла, когда Коля их с Агнессой из роддома привёз.

Обижалась сильно за свою Валентину. Сват-то, Царствие ему Небесное, помягче был. Привечал Виталика. Подарки иной раз дарил, впопых от жены. Сваха, как одна осталась, вроде потянулась к нам. Виталик даже пару раз был у неё, помогал по дому. Это когда она его звала. А сам проведать никогда не зайдёт. Что уж теперь? Он её путём и не знал как бабушку. Она даже с Колей не простилась, хворой сказала.

Появление в кухне Виталия заставило женщин прервать разговор.

– Спасибо, – тепло поблагодарила Александрина, забирая пакет с контейнерами, и устремилась вместе с парнем на улицу.

Пока женщины беседовали в кухне, Виталий успел наскоро принять душ, побриться и надеть свежую одежду. О растительности на лице напоминал только небольшой порез на щеке, залепленный узкой полоской лейкопластыря.

Глава 8

Два года назад

– Куда мы едем? – опомнился Виталий, когда, миновав город, они выехали с юго-западной стороны. – Ты ведь просила о помощи.

– Сказала первое, что пришло в голову, – тепло взглянула на парня Александрина. – Увидев тебя, поняла, что надо отвлечь, хотя бы ненадолго сменить обстановку. Итак, пункт первый: Святой источник вблизи Задонского монастыря, – объявила она, сворачивая с трассы на дорогу вслед за указателем.

Виталий молчал, сохраняя безмолвие всё время, пока они добирались до места; оставив машину, бродили по низине в прохладе смешанного леса; разглядывали величественный белоснежный храм с синими куполами, красующийся на взгорье, вблизи женского монастыря; упивались прохладой источника, глотая воду из сложенных в горсти ладоней. Миновал час, когда парень почувствовал, что его отпускает. Печаль уже не так грызла сердце, затаившись в его глубине.

– Спасибо, – поблагодарил он молодую женщину, неторопливо передвигаясь рядом с ней по узкой дорожке, покрытой асфальтом, вдоль речушки, куда втекала родниковая вода из деревянного строения для купели. – Здесь и впрямь благодатное место. Лес... – осёкся Виталий, – почти такой же, как в Сосновке, только там больше хвойного. Но здесь лес исцеляет.

– Мне кажется, – мягко заметила Александрина, – лес исцеляет везде.

– Большею частью. Но бывает по-другому. Я уже пытался найти утешение ещё в Сосновке. Уходил подальше, вглубь. И... не получалось. Сосны словно оплакивали отца вместе со мной. Я ведь прошёл с ним каждую тропку. Порой начинает казаться, что знаешь каждое дерево. Хоть это, наверное, и представляется неправдоподобным, – еле заметно улыбнулся парень, – но с тем лесом я сроднился. Мы с ним как будто даже чувствуем одинаково. И ещё неизвестно, кто из нас больше нуждается в утешении: я или исходящие прозрачной смолой сосны. А здесь лес совсем другой, немного отстранённый, но на самом деле исцеляющий.

– Действительно, благодатное место, – подтвердила Александрина. – Намоленное, как выражаются верующие. Почему-то всегда тянуло приехать сюда в особо тяжёлые моменты. Я ведь тоже, как и ты, родилась в лесных краях, – улыбнулась Александрина. – И потом, когда мы уехали в город, часто проводила каникулы у другой бабушки – маминой мамы. Она жила неподалёку от соснового леса. Иногда мы ездили вместе с Лорой, если ту не отправляли в лагерь. Бабушка ушла рано, её муж ещё раньше, и нам стало не к кому приезжать. А сюда, к Источнику, мы с подругой впервые попали после восьмого класса с экскурсией. У Ларисы тогда недавно не стало бабушки. И потом, после поездки, она сказала, что ей сделалось чуточку легче. Мы были уже взрослыми, когда ушла моя бабушка, воспитавшая сына Ларисы, и снова приехали в этот лес к Источнику за утешением.

– Крепкий лес, – заключил Виталий. – Большинство из нас стремится в такие места в самые трудные жизненные моменты. И лес всех принимает, всем дарит утешение и силы жить.

– Ты очень правильно сказал, – уважительно поглядела на молодого человека Александрина. – Прямо как мудрец из древнего ашрама.

– Тетя Лида, – улыбнулся парень, – с детства называла меня маленьким старичком. Но это потому, что я был очень уж серьёзным, суровым даже, а вовсе не из-за ума.

– Мне кажется, – заметила Александрина, – она имела в виду уравновешенный характер, наряду с твоим развитием.

– Развитием я обязан папе, – без грусти, с гордостью произнёс Виталий. – Вот он действительно был очень умным.

– Поедем, если ты не против? – спросила Александрина, опасаясь, что при воспоминании об отце парня снова одолеет печаль.

– Конечно, – с готовностью согласился Виталий. – Подбросишь до автовокзала в городе? А там уж я доберусь на автобусе.

– Нет, – решительно тряхнула волосами Логвинова. – Возвращаться в Сосновку пока рано. У нас намечена ещё одна недалёкая поездка.

* * *

Обещанная поездка оказалась импровизированным пикником на высоком берегу Дона. В отличие от густой зелени леса, трава возле реки была тусклой, высушенной июльским зноем. Зато величественные речные просторы вокруг дарили умиротворение и прохладу. Полюбовавшись открывшимся видом, молодые люди принялись доставать из машины собранное Анастасией Петровной угощенье.

– Жаль, не прихватили с собой подстилки, – озадаченно огляделась Александрина. – Придётся расположиться прямо на траве.

– На траве не стоит, – проворно скинул клетчатую рубашку с подвёрнутыми рукавами Виталий, оставшись в футболке цвета морской волны. – Подстилку это мало напоминает, – расстелил он рубаху, – но твои джинсы точно спасёт.

– Спасибо, – благодарно улыбнулась она. – Сядь рядом, раз уж пожертвовал рубашкой, то хотя бы и твои джинсы уберём.

Усевшись бок о бок, они неторопливо перекусывали, любуясь рекой.

– Может, тебе лучше выйти на работу, – осторожно предложила Александрина некоторое время спустя. – Мне кажется, Николай Иванович был бы доволен, что ты не бросаешь лес надолго.

– Выйду, обязательно, – согласился Виталий. – Ты абсолютно права, нельзя оставлять лес. Он же, как домашняя птица, привыкает к тебе; приручаясь, откликается добром; грустит, волнуется, скучает, если тебя подолгу не бывает; оживает, ликует при встрече; а иногда дарит секреты.

– Это отец научил тебя любить лес?

– Конечно, – покивал парень. – Папа вообще научил меня всему. Бабушка и... мама просто любили, заботились. А отец учил жить. Он в самом деле был очень умным. Знал множество вещей. Во многом разбирался. Помогал в учёбе. Причём никогда не решал за меня задачи. Ни один учитель не мог так здорово объяснить, как папа. Бывало, я никак не мог осилить какую-нибудь тему, в основном по физике. Прежде чем разобрать её со мной, отец всегда говорил: «Зови Дениса. Вместе будете решать». Дэн учиться особо не любил. Всегда норовил у меня домашку списать. Знал прекрасно, что я обязательно сделаю. Если что, отец непременно поможет. А мне учиться нравилось, в основном, из-за вечерних занятий с папой. Дэн, конечно, приходил, но сначала ёрзал, чтобы поскорее решить и свалить на улицу. А потом и он увлекался, даже просил, чтобы отец нам ещё дополнительных заданий подкинул.

– Ты словно о моём дедушке рассказываешь, – поразилась Александрина. – Он ведь точно так же помогал нам с Ларисой с математикой. А дед тогда уже и сидеть подолгу не мог. Прочитаем ему задачу вслух. Он лоб наморщит, соображает, как лучше объяснить девчонкам. И объяснял, да так, что мы сами решение находили. Я очень его любила, – погрустнела молодая женщина. – Каждую ночь перед сном загадывала: «Вот проснусь утром, а дедушка выздоровел».

– Ты из-за деда и врачом стала? – догадался Виталий.

– Конечно, – обдала его теплом своих глаз Александрина. – Говорила ему, когда вырасту, обязательно вылечу его.

Оба ненадолго умолкли.

- Очень хочется пить, – некоторое время спустя произнёс парень.
- Так вот же минералка, – потянулась к пакету у себя за спиной Александрина.
- Почему-то в последнее время вода не утоляет жажду. Только чай помогает. Давай заедем в какое-нибудь кафе рядом с заправкой.
- А может, дотерпишь до моего дома? Чай у меня отменный.
- А это удобно? – усомнился Виталий.
- Вполне, – пожала плечами Александрина. – Я тебя приглашаю.

* * *

Александрина жила в пятиэтажном панельном доме в микрорайоне, именуемом «старым». В отличие от безликих «новых», построенных в конце восьмидесятых – начале девяностых, «старые» районы отличались обилием зелёных насаждений; наличием небольших прогулочных скверов; и реальной возможностью получения парковочного места, если не рядом с подъездом, то хотя бы на платной стоянке неподалёку от дома с демократичными ценами.

Едва Виталий успел вымыть руки и немного осмотреться, как Александрина, заварив чай, пригласила его за столик в гостиной. По дороге парень попросил остановиться, купив в кондитерской пахлаву и зефир. Однако сам к сладостям не притронулся, отдав предпочтение чёрному чаю с лимоном и без сахара. Первую чашку выпил залпом, как воду. Вторую уже медленнее, выпивая горячую, но не обжигающую жидкость долгими глотками. И только к третьей приступил с наслаждением, благодарно смакуя свежий, прекрасно заваренный, напиток.

В отличие от парня, Александрина с удовольствием отведала сладкое угощение, тоже предпочитая чай без сахара. Когда первая порция напитка из большого чайника подошла к концу, хозяйка отправилась на кухню за второй. Вернувшись, обнаружила молодого человека уснувшим, сидя, склонив голову к груди и скрестив на ней руки.

Чуть помедлив, Александрина осторожно поставила чайник на столик и легко отодвинула от дивана на небольшое расстояние. Затем принесла из спальни подушку и лёгкое одеяло. Будто почувствовав, что можно улечься поудобнее, через некоторое время парень оказался головой на подушке. Поскольку лежал он, съёжившись, словно ему было холодно, Александрина, недолго думая, укрыла его одеялом.

Затем молодая женщина, прикрыв за собой дверь гостиной, унесла в кухню и перемыла посуду. Приняв душ, развесила в ванной свежие полотенца.

«Завтра выходной, и мне совершенно не обязательно вскакивать чуть свет. Ну, а если парень, как деревенский житель, проснётся спозаранку, вполне сможет умыться и самостоятельно организовать для себя завтрак. Если же окажется чересчур деликатным, что ж, пусть терпеливо ожидает моего пробуждения. Надеюсь, ему не придёт в голову ускользнуть, не попрощавшись. Впрочем, – заключила молодая женщина, – может поступать как ему заблагорассудится. Его душевное состояние уже в норме. Так что, надеюсь, больше он не доставит волнений своей бабушке. Ну, и будет как-то привыкать жить без отца. Всё же поразительно, – в очередной раз подивилась она, – насколько схожи наши с ним чувства к дорогим людям: его к папе и моё к дедушке».

Глава 9

Два года назад

Александрина проснулась после полуночи, явственно ощутив, что в комнате она не одна. Сквозь кисейную гардину на широком окне пробивался свет неистовой полной луны, озаряя стройную мужскую фигуру. Красивой формы голова; крепкая шея; не очень широкие, но налистые плечи; торс с ясно обозначенными мышцами на груди и животе; ровные ноги, казавшиеся не особенно длинными за счёт выпуклых мышц в верхней части бедра.

«Володя, – мелькнуло спросонок у молодой женщины. – Как он здесь очутился?»

Однако, присмотревшись, Александрина поняла, что ошиблась. Силуэт был явно крупнее, словно рассматривала его сквозь увеличительное стекло. Вдобавок, парень со своим ростом в сто девяносто три был выше Владимира, немного не дотягивающего до ста восьмидесяти.

«Это же Виталий, – опомнилась Александрина. – Но до чего похож! Одно и то же сложение тела. Мистика какая-то! А, собственно, что он здесь делает?»

У неё не осталось возможности додумать, поскольку в следующее мгновение, скользнув по лицу горячим дыханием, губы молодого человека приблизились к её губам, отключая здравый смысл, а вслед за ним и сознание Александрины.

Ответная страсть захватила молодую женщину. Однако парень достиг пика наслаждения прежде, чем она успела преодолеть первые метры поначалу представлявшегося ей длительным забегом.

– Не уходи, пожалуйста, – умоляюще произнёс Виталий, совладав с минутной обездвиженностью, – прошу, не уходи! Просто я очень тебя хотел.

Его слова не оставили и следа от вождления Александрины. Но, вместе с тем, и досада по своему накалу не успела разрастись до злости и неприятия неожиданного партнёра. Ей стало смешно, что молодой человек просит её не покидать собственную спальню. Улыбаясь в полумраке, она надеялась, что парень не заметит. Но тот разглядел и, вопреки опасениям женщины, не усматривая в улыбке ничего обидного, воодушевился.

Не касаясь лица, Виталий приник губами к выемке между верхней линией плеча и ключицей. Александрина поразилась, каким образом ему удалось распознать весьма завлекательное и очень чувствительное место на её теле. Затем, улегшись чуть выше, Виталий принялся с томительной для женщины медлительностью раскладывать пряди волос вокруг головы. Когда образовался нимб из локонов, парень стал целовать кончики волос, продвигаясь по кругу.

По завершении получаса, в течение которого молодой человек одаривал Александрину неторопливыми, полными любования ласками, она почувствовала нетерпеливое желание. Призывно выгнувшись телом, женщина не сумела сдержать стон. Парень мгновенно откликнулся. И стартовал упоительный забег, предвкушаемый обоими ещё в самом начале.

Нагоняя её, он внезапно приотставал, сокрушая надежду на завершение за несколько дюймов до сладостного предела. Тогда она словно подстёгивала его, ускоряя движения своего податливого тела. Молодой человек при этом отстранялся, насколько это возможно, делая вид, будто опять норовит сойти с дистанции прежде, чем женщина достигнет финиша. Внутри живота Александрины пульсировало и клокотало, но вождленная ленточка по-прежнему оставалась недостижимой. Когда же, на грани обморока, черта была пересечена, Виталий, настигая, великодушно позволил ей в полной мере насладиться триумфальным финишем.

Незаметно пролетел остаток ночи, наполненный взаимной страстью и неистовыми ласками. Понемногу обретая способность анализировать, Александрина с изумлением отметила, что их слияние, по её представлению, было подобно сексу между любящими супругами, не растерявшими за долгие годы семейной жизни ни грамма влечения. Словно накал чувств со вре-

менем сделался более страстным. И хотя отклик тел стал в некотором роде предсказуемым, молодая женщина не усматривала в этом ничего плохого. Такая определённая пришлась ей по нраву.

Это отличалось от новизны, изумлявшей Александрина во время каждого любовного свидания с Владимиром. Невзирая на потрясающие ощущения, молодая женщина постоянно опасалась несоответствия необычайно умелому партнёру. То нежный и деликатный, то насмешливый и забавляющийся смущением своей возлюбленной, то лениво-небрежный, то грубовато-неистовый, Владимир всякий раз бывал непредсказуем.

Он стал для двадцатипятилетней Александрины первым. Воодушевлённая взаимностью чувств Ларисы и её мужа, девушка с достоинством ожидала будущей встречи с любимым человеком. Ни в школе, ни в институте головокружительной страсти не случилось. Влюблённость долгое время обходила девушку стороной, а приобретать опыт чисто из спортивного интереса претило ей самой. Поэтому первая ночь с Владимиром стала для Александрины наградой за длительное ожидание счастья. Несколько лет спустя, когда по-прежнему влюблённая молодая женщина всё-таки сумела достаточно трезво оценить возлюбленного, она сделала вывод, что, в отличие от неё, тот совершенно не придаёт значения своему первенству. Однако пылкие свидания с Владимиром продолжали восприниматься ею неповторимыми празднествами, как и любые встречи и путешествия с ним.

Ты, теперь я знаю, ты на свете есть...
И каждую минуту,
Я тобой дышу, тобой живу
И во сне, и наяву¹.

Эти стихи запечатлелись в сердце молодой женщины с первой ночи с Владимиром. За прошедшие восемь лет для Александрины ничего не изменилось в восприятии любимого мужчины.

* * *

Пробудившись поздним воскресным утром, Александрина долгое время не открывала глаза, пытаясь осмыслить произошедшее ночью. Отчётливо запечатлевшиеся в памяти, сказанные три года назад, слова Владимира о том, что у него нет другой женщины, с которой он мог бы разделить страсть, вызвали беспредельное чувство вины. Александрина недоумевала, насколько стремительно поддалась страсти. Телесный отклик в ответ на схожесть мужчин, напрочь отключивший доводы разума, ни в коей мере не мог служить оправданием измены возлюбленному. В то же время молодая женщина никак не могла отделаться от стойкого ощущения, что лежит, прижимаясь к Владимиру, уткнувшись лицом в его крепкое плечо. Безусловно, это была не более чем иллюзия. Между тем, за нею таилось непреодолимое желание просыпаться вместе с любимым, ни разу не доставившим ей этого удовольствия. Когда он покидал её сразу после угасания страсти, Александрина порой до боли в сердце хотелось удержать его; вбирая в себя чудодейственный аромат парфюма, стремительным шлейфом ускользающий вслед за мужчиной; лелеять сон возлюбленного, трепетно упиваясь его кажущейся беззащитностью. Но Владимир неизменно уходил, решительно пресекая возникновение у любимой, так называемых, милых традиций, всего, что связывает, ограничивает свободу движения, вызывает привыкание.

¹ Стихи Леонида Дербенёва.

– Ты пахнешь лесными цветами, – проговорила Александрина, не распахивая глаз, отчаянно цепляясь за иллюзию, одолевшую её к моменту пробуждения. – Не помню их названия, – пояснила она, изо всех сил надеясь услышать в ответ голос Владимира, – но уверена, что они лесные.

– А я и есть лесной человек, – тихо ответил лежавший навзничь Виталий, сокрушая надежду молодой женщины. – Родом из леса. И фамилия моя – Лесных. Если пожелаешь, она станет твоей. Аля, – по-прежнему тихо, но уверенно добавил он, – выходи за меня.

Вскинув ресницы, Александрина увидела, что, повернув голову, парень, почти не мигая, пристально смотрит на неё. Он назвал её «домашним» именем «Аля». Так ласково называли её родители и бабушка с дедом. Дед изредка звал «Алюша», когда, слабая день ото дня, смущённо просил внучку о помощи, доступной ребёнку.

Звучание «домашнего» имени из уст парня не понравилось Александрине. Не то, чтобы уж очень. Тем не менее это было, в её восприятии, неправильным. По непонятной причине молодую женщину задело, что парень с пятилетней разницей в возрасте обращается к ней, словно сам намного старше. Имя не прозвучало ни неуважительно, ни насмешливо, ни даже ласково. В голосе молодого мужчины, достаточно нейтральном, оставались только отдалённые покровительственные нотки. Но Александрина была уверена, что не нуждается в защите и покровительстве, во всяком случае, со стороны Виталия точно.

– Не лучшее время делать предложение, – приподняла она голову, подпирая её ладонью согнутой в локте руки, – в момент, когда пытаешься спастись от одиночества. Это одна из самых распространённых ошибок пар, отношения которых закончились разводом, – назидательно изрекла Логвинова, безуспешно скрывая раздражение, вызванное чувством собственной вины.

Александрина словно перекладывала ответственность за свою измену на плечи парня, нарушившего её ночной покой страстным порывом. Хотя тот вполне мог остаться безответным. Молодая женщина могла проявить равнодушие, остановить его гневной отповедью или, для пущего эффекта, грубостью. Однако ничего подобного она не сотворила, даже не попытавшись сладить с вожделием, одолевшим при возникновении образа, отчаянно напоминавшего Владимира. И теперь Александрина злилась, пытаясь как можно резче ответить на предложение, показавшееся ей на редкость неуместным.

– Это никак не связано с одиночеством, – спокойно сказал Виталий. – Просто я люблю тебя. С первого дня, как только увидел. И моё предложение останется в силе, что бы ты сейчас ни ответила. Буду тебя ждать, – пообещал парень, – сколько потребуется. Спасибо за всё!

Прежде чем подняться, он филигранно коснулся губами выемки между верхней линией плеча и ключицей. Не дожидаясь ответа, стремительно вышел, оставив женщину, ошеломлённую своей реакцией на ласку, покрываться «гусиной кожей».

Глава 10

Полтора года назад

Смятение Александрины длилось недолго. Вскоре она почти забыла о страстной ночи с парнем, вдобавок, полностью избавившись от чувства вины.

«Наваждение и не более, – заключила молодая женщина. – Может, буря магнитная повлияла или новолуние. Или нас потянуло друг к другу, потому что мы оба родом из лесных краёв, – улыбнулась она, окончательно обретая присутствие духа. – А может, это вообще было сновидением. Ярким, насыщенным, но всё же сновидением. А раз так, значит, пора перестать об этом думать», – беспечно заключила Александрина, совсем не придавая значения предложению молодого человека.

В следующий раз они увиделись через несколько месяцев, осенью. Отучившись на курсах, обязательных для врачей, Александрина возвращалась домой в поезде вместе с Лидией Ивановной, тётей Виталия, с которой познакомилась во время учёбы. Поезд прибывал в районный центр, отстоявший от столицы области на двадцать пять километров. Утомлённая суточной поездкой, Логвинова намеревалась взять такси, чтобы добраться до дома. Предложила своей спутнице составить компанию. Женщина отказалась, обнадёжив Александрину, чтобы не беспокоилась насчёт такси. Их обязательно встретят и доставят прямо до дома. Встречающим оказался не кто иной, как Виталий, которому тётя позвонила с дороги, надеясь, что тот будет рад оказать любезность доктору, лечившему отца.

Ранним утром трасса оказалась свободной, поэтому добрались довольно быстро. По дороге Александрина украдкой рассматривала парня, почти не сводившего внимательного взгляда с дороги. Молодой человек выглядел спокойным, ничуть не взволнованным встречей. Руки свободно касались руля и не были напряжены. Упрямая скобка ярких губ, традиционно очерченная кромкой тёмной, просвечивающей сквозь кожу, щетины. Слегка сведённые чёрные широкие брови, аккуратная стрижка на волосах, чуть светлее бровей.

Не докучая уставшим пассажирам беседой, Виталий заговорил только раз, отвечая на вопрос тёти о бабушке. Доставив Лидию до дома, помог втащить вещи в квартиру. Затем довёз Александрину, удивив тем, что не спросил дороги, прекрасно запомнив путь после однократного посещения. Буквально перед подъездом молодая женщина спохватилась, вспомнив, что не попросила парня остановиться возле супермаркета, купить еды хотя бы на завтрак. С тоской подумав, что тащиться за покупками пешком или забирать с платной стоянки свою машину неохота, всё же не решилась сказать об этом. Словно угадав её мысли, Виталий кивнул на довольно объёмный пакет, который он достал из машины вместе с вещами Александрины.

– Там продукты, – пояснил он, – перекусить на первое время. Чтобы не бежать сразу с дороги в магазин. Вас же с тётей Лидой не было дома два месяца. Припасов наверняка никаких, – мягко улыбнулся парень. – Тётушке я тоже заполнил холодильник, – счёл нужным добавить Виталий.

– Спасибо тебе огромное, – просияла приятно удивлённая Александрина. – От денег ты, конечно же, откажешься? – уточнила на всякий случай, касаясь ключом-таблеткой домофонного замка.

– И речи быть не может, – ответил молодой человек, поднимаясь по лестнице вслед за спутницей.

– Тогда приглашаю тебя на чай, – ласково произнесла она, несмотря на усталость, стараясь проявить гостеприимство.

– Спасибо, Аля, – отказался Виталий, покачав головой и поставив сумки в прихожей. – Поеду. Отдыхай. Был очень рад увидеться с тобой.

– Я тоже, – растерянно проговорила Александрина прежде, чем за парнем захлопнулась дверь.

Обнаружив в пакете среди готовых продуктов домашнюю утку, молодая женщина решила, приготовив птицу, в благодарность пригласить Виталия в ближайший выходной. Пролистав список телефонов, нашла его номер. Прежде чем набрать, посидела некоторое время, задумавшись. Затем, решительно тряхнув волосами, отказалась от мысли позвать молодого человека, к которому не испытывала никаких чувств, кроме признательности.

* * *

Год назад

К Виталию она приехала сама спустя полгода под впечатлением некоего подобия ссоры с Пустоваловым. Однажды после нежного свидания в её квартире, Александрина попросила Владимира остаться до утра.

– Неудачная идея, – отказался мужчина, как ни в чём не бывало продолжая одеваться.

– Ты бежишь от меня, словно муж к ревнивой супруге, панически боясь быть уличённым в измене, – впервые за всё время отношений с Пустоваловым всплыла Александрина.

– Сандра, – поморщился Владимир, едва заметно окинув взглядом незначительный беспорядок в спальне, – твой упрёк безоснователен.

– Пройдём в гостиную, – продолжая изумлять мужчину, резко предложила Александрина, одним движением набросив на голое тело домашнее платье из разряда тех, в которых не стыдно появиться даже на светском мероприятии.

– Скажи, пожалуйста, – принял непринуждённую позу в одном из двух кресел Владимир, – в чём причина твоего выпада? – вкрадчиво спросил он, лаская молодую женщину искренним взглядом.

– Извини, если это прозвучало резко, – сказала Александрина, усиленно пытаясь определить по выражению лица возлюбленного степень его раздражения. – Просто порой мне очень хочется... – она помедлила, собираясь с отвагой, – проснуться вместе с тобой.

Ласкающий взор мужчины не изменился. И только слегка напряжённая улыбка сомкнутых тонких губ выдавала его недовольство.

– Чтобы напрочь испортить обо мне впечатление, – усмехнулся Пустовалов. – Сандрина, – едва заметно вздохнул он, – ты ведь знаешь, утро – не моё время.

Безусловно, она знала. Знала об утреннем раздражении. О том, что не завтракает раньше одиннадцати часов. Помнила, что по утрам он почти не разговаривает. Ну и что? Разве нельзя просто помолчать рядом? Просто помолчать, прильнув друг к другу в солнечных лучах, что пробиваются сквозь кисейную занавеску в спальне. Александрине нравилось дремать под солнцем, поэтому она никогда не задвигала ночные шторы. Правда, позволить себе нежиться по утрам можно было только в выходные и во время отпуска.

Первые две недели она старалась проводить на море. Когда отдых приходился на лето или раннюю осень, то на Кавказском побережье. В остальное время отдавала предпочтение Израилю. С раннего детства Александрина мечтала поехать на море с бабушкой и дедом. Но дед долго болел, год от года слабея и угасая. После его ухода как-то особенно навалились материальные трудности, в крайне сложный тогда период в стране. Каникулы девочка проводила в деревне у другой бабушки. А та, что её воспитывала, предпочитала работать во время отпуска, чтобы нарядить внучку к новому учебному году и обеспечить нормальным питанием. В институте Александрина почти сразу принялась подрабатывать санитаркой в больнице. На еду и одежду, с помощью получающей пенсию бабушки, хватало. Но морской отдых опять оставался в отдалённой перспективе, поскольку бабуля взяла на себя ответственность за воспитание ребёнка Ларисы. Затем, когда Александрина завершила учёбу и стала зарабаты-

вать, пошатнулось здоровье самой бабушки. Внучка самоотверженно ухаживала за любимой бабулей, проводя с ней всё свободное время. Пожилая женщина ушла через месяц после того, как Александрина познакомилась с Пустоваловым. Взглянув на фотографию мужчины, она словно благословила внучку на отношения с ним, тихо проговорив: «Симпатичный и самостоятельный».

Владимир присоединялся на отдыхе к возлюбленной, как правило, по истечении первой недели, которую та проводила в соответствии со своим предпочтением. Неторопливое пробуждение, вкусный завтрак в ближайшем кафе, неспешная прогулка к морю, купание, обед и ужин, любование закатом. Спустя неделю, когда Александрине удавалось сбросить напряжение интенсивного рабочего периода, приезд Пустовалова оказывался как нельзя кстати. Обычно он снимал двухкомнатный «люкс», с ванной и балконом, больше похожим на веранду, в каждой из комнат. Однако Александрина переселялась к нему редко, предпочитая «приходить на свидания», но жить при этом там, где и раньше.

Успев изучить привычки возлюбленного, Александрина понимала, что, даже поселяясь в одном номере, они останутся соседями, строго соблюдающими этикет общения между мало знакомыми людьми. Ни один из них не позволял себе внезапно и, уж тем более без стука, нагрянуть к другому. Совместный завтрак исключался. О том, чтобы вместе принять душ, и речи быть не могло. Долгое время Александрину, с удовлетворением принимавшую ограничения по вторжению в личное пространство, всё это устраивало.

Мало того, у неё не оставалось возможности задуматься, что бывает по-иному. С приездом Владимира начинался активный отдых, в котором к этому времени нуждалась и сама молодая женщина. Подводное плавание; фотографирование под водой; поездки в открытых джипах по каменистой реке; лазание по ущельям; путешествие в горы; забавы в аквапарке; катание на квадроциклах, катерах и парашютах; всевозможные пенные вечеринки и ночные дискотеки. Охват развлечений становился настолько обширным, что впору было утомиться от отдыха. Тем не менее этого не происходило. Александрина приветствовала предложенную Владимиром программу, искренне восхищаясь неутомимостью обоих.

А сразу после морского отдыха, порой даже не возвращаясь в родной город, они отправлялись в путешествие. И здесь Пустовалов оставался на высоте, подбирая маршрут. Обладая немислимым кругозором, Владимир умел так организовать поездку, что восторженная возлюбленная ощущала себя жительницей той страны, куда им доводилось направляться. Благодарной Александрине и в голову не приходило задумываться о таких малозначимых тогда вещах, как совместное пробуждение и утренняя нега.

– Поутру я бываю раздражён, – продолжал объяснять Пустовалов.

– Как мужчина, превращённый в песочные часы, за то, что нагрубил доброй фее, – хмыкнула Александрина.

– Что ещё за «песочные часы»? – оторопел Владимир.

– Это из сказок Вениамина Каверина. Я очень любила перечитывать их в детстве. Книжка настолько истрепалась, что бабуля потом где-то раздобыла мне новую, – улыбнулась она. – Но мне всё равно больше нравилась та, первая. Так вот, ближе к вечеру мужчина становился злым и старался не показываться на люди. А утром делал стойку на голове, чтобы песок пересыпался, и настроение снова улучшалось.

– И чем же закончилось дело? – заинтересовался сказкой Пустовалов.

– Конечно же, его расколдовали. Девочка Таня, которая пообещала целый год не смотреться в зеркало. Для неё это была своего рода жертва. Она ведь носила зеркальце с собой и смотрелась в него поминутно.

– Но я не грубил доброй фее, – проникновенно улыбнулся Владимир. – И в песочные часы меня никто не превращал. Просто по утрам мне нужна, так называемая, зона комфорта, куда нет доступа ни близким людям, ни подчинённым, ни тем более посторонним. К счастью, руко-

водство из числа учредителей тоже предпочитает выходить на контакт ближе к обеду, а лучше после него. И что это тебе вдруг взбрело в голову, – снова поморщился Пустовалов, – что совместное пробуждение это мило?

– Не знаю, – растерянно вздохнула Александрина. – Ни с того ни с сего стала в этом нуждаться. Должно быть, старею, – она нервно повела плечом, – или просто сильнее влюбляюсь в тебя.

– Всегда считал, – ровно пояснил Владимир, оставив без внимания неуклюжий намёк на комплимент, – когда сильнее влюбляешься, стараешься оберегать друг друга.

– Разве провести вместе несколько утренних минут не означает оберегать?

– Нет, не означает, – безапелляционно изрёк Пустовалов. – Удивительное дело, – задумчиво продолжил он. – Женщины, как правило, выражают намерение продлить, так называемый, конфетно-букетный период отношений. Но при этом неосознанно стремятся, чтобы он оказался короче. Не согласна? – дружелюбно уточнил Владимир. – А чем иначе считать твою жажду совместных утренних пробуждений? Сандрина, в этом, казалось бы, невинном желании таится опасность поскорее навесить на себя кучу домашних обязанностей. Ах, как приятно будет приготовить ему завтрак! Ах, мне совсем нетрудно постирать носки и рубашки вручную, даже при наличии современной стиральной машины и шадящей стирки в ней! Ах, зачем нам нужен ресторан, если я сегодня, а также завтра и послезавтра приготовила потрясающий ужин! А после этого, кто-то раньше, кто-то позже, начинает негодовать по поводу того, как заел быт. Так что, Сандра, давай оставим всё как есть. И не будем портить чудесный период отношений, который нам вполне по силам продлить. Ну пойми, – мягко обратился он, устремив на молодую женщину умоляющий синий взгляд исподлобья, от которого она всегда теряла голову и зачистую способность рационально мыслить, – не радуют меня все эти якобы приятные бытовые мелочи. Неужели ты не можешь понять? Это же первый шаг к деградации отношений, символ которой майка и тапочки.

– Скажи ещё, халат и бигуди, – фыркнула Александрина, сообразив наконец, что Владимир подтрунивает над ней, стараясь безобидно рассмешить.

– И это тоже, – живо подхватил он. – А знаешь, – резко сменил он обсуждаемую тему, – через месяц мы с тобой летим на Сицилию, – поспешил подняться из кресла Пустовалов. – Ты просто переутомилась, – приблизившись к креслу Александрины, потрепал пятернёй её волосы, придавая молодой женщине задорный вид. – Время после предыдущего отпуска слишком затянулось.

– Скорее всего, – поднялась следом за ним Александрина, чтобы проводить возлюбленного. – Извини меня. Просто я очень тебя люблю.

– Я тоже очень тебя люблю, – снизошёл до прощального поцелуя у двери Пустовалов.

Оставшись одна, Александрина некоторое время размышляла, перебирая разговор с Владимиром. Обретая после расставания способность рассуждать, вскоре заключила, что в отношениях с ним ощущает себя так, словно любимый мужчина намного младше её, и она отчаянно боится его потерять. Непредсказуемый Владимир представлялся ей сгустком энергии, направление деятельности которой невозможно предугадать. Подспудно Александрина осознавала, что ей и не следует ничего предугадывать. Остаётся просто любить и принимать любовь человека, возникающего в её жизни, когда удобно ему. Стоило ли мириться с негласно установленными Владимиром правилами общения, ради нечастых встреч с ним? Для разума Александрины не возникало такого вопроса. Сердце настойчиво твердило – стоит.

Внезапно на память пришёл Виталий, рассудительный, неторопливый, немного суровый и, в её представлении, исключительно надёжный. Объятая необъяснимым куражом, Александрина решила навестить парня, чтобы хоть на короткое время почувствовать себя под его покровительством.

Глава 11

Год назад

Дорога в Сосновку приятно радовала глаз окаёмкой берёз, в нежной зелени пробивающейся листвы, с бордовым оттенком отцветающих почек. Едва заметный травяной покров ближе к деревне сменился сплошным изумрудно-зелёным ковром.

– Надо же, – восхитилась Александрина, повернувшись к попутчице, женщине лет сорока, которую подобрала на выезде из города, – какая чудесная трава. Интересно, почему здесь гораздо ярче?

– Да это не трава, – усмехнулась спутница. – Это озимые. Пшеница.

– Разве у дороги сеют пшеницу? – удивилась Александрина. – Я думала, только на полях.

– На полях само собой, – покивала женщина. – Только за них налоги большие платятся. А здесь, на обочинах, земля неучтённая. Урожай снимут – денежки в карман. Ну, ясное дело, поделится хозяин «Агрофирмы» с главой района. Просто так сеять никто бы не дал.

– Надо же, чего только ни придумают.

– Вот-вот, оттого и прибыль. Недаром хозяин себе в областном центре огромный особняк отгрохал. Да, может, и ещё где, на каких-нибудь Майях, – горько ухмыльнулась попутчица. – Мы ж не знаем, нам не докладывают. Только, знай, работай, паши с утра до ночи. Ох, – вздохнула она следом, – хорошо ещё, хоть работа есть. У меня сестра в соседнем районе живёт. Так там вообще податься некуда. Почти все, кто работу ищет, в город мотаются за сорок километров. Нам-то в Сосновке грех обижаться. И местная «Агрофирма»; и французская, где клубнику выращивают; и гостиница с развлекательным центром; и «Заводь рыбака»; и полигон для стрельбы.

– И правда много всего, – отметила Александрина. – Достаточно близко от города, и места благодатные. Сосны и смешанный лес. Больше всего люблю сосновый воздух, – улыбнулась она. – Я же сама из таких мест. В Боровом родилась. Воздух здесь целительный, – с наслаждением опустила окно пониже Логвинова. – Для меня, если хвоей не пахнет, значит, это и не деревня.

– Поди ж ты, – покрутила головой попутчица. – А мы привыкли и не замечаем. Остановите, пожалуйста, вон там, у магазина. Спасибо, что подвезли! Сколько я вам должна?

– Ну, что вы! Мне же по пути. Приятно было вместе скоротать дорогу, – улыбнулась на прощанье Александрина.

– Спасибо! Спасибо! – ещё раз горячо поблагодарила женщина, выбираясь из машины.

Дом, где жил Виталий, находился среди прочих, возведённых в советское время. Построен из сосновых брёвен. Снаружи обложен силикатным кирпичом. Крыша единая для двух квартир, в каждой из которых: закрытая веранда, прихожая, одна большая жилая комната, две поменьше, кухня и крохотное помещение для ванной, в которой большинство жильцов, в том числе и семья Лесных, оборудовали санузел. Забор из сетки-рабицы, огораживающий небольшую территорию для хозяйственных построек и выгула птицы. Здесь же приютился гараж. Позади дома за оградой – участок, с десятком фруктовых деревьев, ягодных кустов и огородом.

Остановив машину перед воротами, Александрина вышла и огляделась. Виталия не было видно.

– Здравствуйте, Александрина Григорьевна, – поприветствовал её сосед Виталия – шестидесятисемилетний мужчина; невысокий, поджарый; с короткой стрижкой седых волос; густой щёткой рыжих усов, с сильной проседью; неизменно одетый в клетчатую фланелевую рубаху, заправленную в тёмно-синие спортивные брюки из плотного эластика и джинсовый жилет.

– Здравствуйте, Илья Иванович, – молодая женщина вспомнила имя соседа, когда тот поздоровался.

– Виталий, кажись, в огороде копался, – подсказал пожилой мужчина. – Да вы проходите прямо в калитку. У нас ни у кого собаки нет, – напомнил он.

Виталий с отцом не заводили питомца после того как не стало верного пса, прослужившего хозяевам двадцать лет. Сосед тоже не решался заводить собаку, до сих пор горюя о погибшей восемь лет назад дворняжке по кличке Табакерка. Собака пала от руки младшего брата Ильи Ивановича, Игната, сбежавшего из тюрьмы, где он отбывал длительный срок за убийство. Тот прикончил дворняжку сразу, ступив ночью во двор дома умерших родителей, где одиноко жил Илья Иванович. Старший брат не пустил Игната на порог, озлобившись за гибель собаки, и ничем не помог ему. Нагрянувшие к Илье Ивановичу поутру сотрудники полиции так и не смогли напасть на след сбежавшего заключённого, до сегодняшнего дня числившегося в розыске. Впрочем, Илья Иванович доподлинно не знал и не интересовался, закрыто ли дело, вычеркнув брата из своей жизни.

* * *

Словно почувствовав приближение Александрины, парень поднял голову от грядки, где сеял морковь. Выпрямившись, радостно заспешил к молодой женщине. Чёрный тонкий свитер, камуфляжные штаны, высокие ботинки на шнурках – Александрина отметила, что, несмотря на рабочую одежду, выглядел он опрятно.

– Осторожно, – предупредил Виталий, – земля сырая после дождя. Да ещё закультивирована отлично. Мягкая. Проваливаешься чуть ли не по колено. Здравствуй, – приблизился парень. – Рад, что ты приехала. Сейчас вымою руки и будем с тобой обедать.

– Здравствуй, – улыбнулась Александрина, у которой при виде молодого человека, неожиданно для себя, разлилось тепло по сердцу. – Подожди с обедом. Давай-ка помогу тебе закончить посадку. Не волнуйся, я умею, – предварила она возможный отказ парня. – У Ларисы половина участка посажена моими руками. У меня и переобуться есть во что. И перчатки резиновые имеются. Декоративным маникюром не увлекаюсь, но руки у врача должны быть ухожены.

– Ну, что ты, – залился краской от восторга и смущения Виталий, – я сам потом досажу.

– Не доверяешь? – прищурилась Александрина.

– Доверяю, Аля, – тихо произнёс парень, справившись с волнением. – Только гостя надо за столом принимать, а не в огороде.

– А желание гостя берётся во внимание? – задорно обернулась она через плечо, направляясь к своей машине. – Сначала посадка, а потом уже займёмся обедом, – безапелляционно заявила Александрина. – Заодно и аппетит разыграется.

– Желание гостя – это святое.

Посадку завершили довольно быстро. Не прошло и часа, как морковь и лук заняли своё место в грядках.

– Бабушка как поживает? – поинтересовалась за столом Александрина.

– Спину вчера скрутило, – ответил Виталий. – Должно быть, остыла на ветру. Позавчера сажала у себя, так даже жилетку не накинула. Вот и прохватило. А то бы мы сегодня вместе с ней посадкой занимались. Убеждаю её не сажать свой огород, говорю, что нам вполне одного хватит. Она ни в какую. Не будет, говорит, земля пустовать, пока я жива.

– Пойдём-ка я её осмотрю, – решительно заявила Александрина, наскоро завершив обед.

– Александрина Григорьевна, радость-то какая, – заулыбалась пожилая женщина при виде спутницы своего внука. – А я вот расхворалась. Еле-еле поворачиваюсь. А тут ведь

время такое: самый огород, посадка. Как говорится, день год кормит. То бы мы с Виталием сейчас хлопотали, а теперь ему одному приходится. Ещё и для меня еду готовит.

– Ничего, Виталий, вижу, справляется, – ответила Александрина. – Давайте я вас посмотрю. Надо курс уколов сделать, – сказала она по завершении осмотра. – Таблетки пропить. Сегодня и завтра я уколою, а потом надо будет кого-то подыскать. Может, Виталий сумеет? Он же наверняка отцу делал.

– Ой, что вы, Александрина Григорьевна, – воспротивилась Анастасия Петровна, – будет ещё парень на мою голую задницу смотреть. Я соседку попрошу, Оксану. Она у нас совсем молоденькой вдовой осталась с двумя ребятишками. Всё, лапушка моя, умеет, и уколы, и капельницы, если надо. У неё муж, Антоша, астмой болел. Она, бедняжка, всё делать научилась.

– Она медсестра?

– Нет, Александрина Григорьевна. Оксанушка у нас повар. Здесь, в Сосновке, в гостинице работает. Но вы не волнуйтесь, она и правда уколы хорошо делает. Рука у неё лёгкая. А если она не будет успевать, Виталий фельдшерицу привезёт с медпункта.

– Хорошо, – согласилась Логвинова. – Тогда я сейчас съезжу в город, в аптеку, и куплю всё, что надо.

– Аля, ты напиши, я сам съезжу, – подал голос в открытую дверь из другой комнаты Виталий, вспыхнувший от радости, когда Александрина, говоря о возможности сделать укол, сказала «сегодня и завтра».

– Оставайся дома, мне будет сподручнее купить самой, – отказалась Логвинова.

– Тогда я сейчас быстро за деньгами.

– Виталик, – сказала бабушка, – возьми у меня в тумбочке. – Там тысячи полторы должно быть. Хватит, Александрина Григорьевна?

– Вполне, – торопливо поднялась молодая женщина. – Только с деньгами потом разберёмся.

Накупив медикаментов на пять тысяч, Александрина постаралась увильнуть от расчёта, попытку которого предпринял парень после её возвращения. Потом, когда окружённая тёплой заботой, накормленная Анастасия Петровна задремала, молодые люди вернулись в дом Виталия. Вскоре о денежных расчётах, к воодушевлению Александрины, было забыто, поскольку молодые люди занялись друг другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.